

Огонек

Библиотека
Москва
В. В. Маяковский
1933

КЛАРА ЦЕТКИН и Н. Н. КРУПСКАЯ
на конгрессе друзей СССР.

Фот. С. Тулеса.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на художественный, литературно-общественный и научно-популярный журнал

30 Дней

Иллюстрированный еженедельник

(4-й год издания)

„30 ДНЕЙ“ со своими многочисленными приложениями является ценным и необходимым изданием для каждой семьи и библиотеки.

В 1928 г. журнал дает своим подписчикам: книги богато-иллюстрированного журнала в красочных обложках и с красочными иллюстрациями в тексте.

24 книги „Библиотеки исторических романов“, куда войдут лучшие произведения известнейших русских и иностранных романистов:

Г. Эберс—„Уарда“, Р. Хаггард—„Дочь Монте-пумы“, Флобер—„Саламбо“, Вальтер Скотт—„Роб-Рой“, А. Дюма—„Три мушкетера“, Ч. Диккенс—„История двух городов“, К. Тетмайер—„Горные Орлы“, В. Гюго—„93-й год“, И. Лажечников—„Ледяной Дом“, А. Франс—„Боги жаждут“, Э. Золя—„Разгром“, и друг.

Библиотека выходит раз в две недели выпусками большого журнального формата и содержит свыше 3.000 столбцов убоистого текста.

12 № нового журнала— „МУЗЫКА ДЛЯ ВСЕХ“ 12 под общей редакцией Народного Артиста Республики проф. М. М. Ипполитова-Иванова, содержащих музыкальные пьесы (для рояля, скрипки, пения), фотопортреты и биографии наиболее известных музыкантов и композиторов, а также КРАТКИЙ САМОУЧИТЕЛЬ для начинающих музыкантов.

12 многокрасочных картин 12 (репродукций) классических произведений русской живописи (формат 27—38 см.) под общей редакцией и с объяснительным текстом ИГОРЯ ГРАБАРА.

4 номера журнала „ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА“ (моды, хозяйство, советы и проч.) 4

1 книга—известный роман А. ФАДЕЕВА (около 300 стр.) 1

1 том новых юмористических рассказов Мих. ЗОЩЕНКО (около 250 стр., свыше 60 рассказов). 1

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

(с перес. и доставкой):

1-й абонемент: 12 книг журнала, 12 №№ „Музыка для всех“, 12 картин, 4 №№ „Четыре сезона“, роман Фадеева—„Разгром“ (только для годовых подписчиков), том рассказов Мих. Зощенко (для годовых и полугодовых, подписавшихся с января)—За год—8 р., 6 мес.—4 р. 25 к., 3 мес.—2 р. 25 к. и 1 мес.—75 к.

2-й абонемент: сверх приложений, указанных по 1 абонементу, подписчики получают 24 книги „Библиотеки исторических романов“—За год („30 дней“ со всеми 65 прилож.)—12 р. 50 к. и на один мес.—1 р. 25 к.

Подписная плата за—границу на 50% дороже. При обращении непосредственно в Изд-во, допускается расщепление годовой подписной платы:

по 1 абонементу (8 р.): при подписке—3 р., к 1 апреля—3 р. и к 1 августа—3 р.

по 2 абонементу (12 р. 50 к.): при подписке—4 р., к 15 марта—3 р. 50 к., к 15 июня—3 р. и к 15 сентября—2 р.

Выславшие ПОЛНОСТЬЮ годовую подписную плату (8 руб. за 1 абонемент или 12 р. 50 к. за 2 абонемент) НЕПОСРЕДСТВЕННО в адрес Издательства НЕ ПОЗДНЕЕ 20-го ДЕКАБРЯ, получат с № 1 „30 дней“ ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ бесплатную премию—большой роман (свыше 300 стр.).

Название романа будет объявлено в № 12 „30 дней“.

Подписную плату направлять почтовыми марками.

МОСКВА, Центр, Псковский пер. 7, Анц. Издат. О-во „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“.

КЛАССИЧЕСКИЙ ТРУД профессора Августа Фореля.

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Том I-й и II-й.

Полный перевод с немецкого яз.

Краткое оглавление:

История зародыша. Гермафродитизм. Происхождение живых существ. Беременность. Половое созревание. Сексуальная любовь. Исторические формы половой жизни. Половые болезни. Половое направление. Половая гигиена. Идеал брака будущего.

Цена за оба тома о перес. 4 р. 50 н. Адрес: Москва, улица Герцена, 22/3. КНИЖНОЕ „ПРОВЕЩЕНИЕ“.

ОБЩЕСТВЕННОЕ и ДОМАШНЕЕ ПИТАНИЕ

экономно и сытно организовать учить новую, полная

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ХОЗЯЕК.

Книга содержит следующие отделы:

мясоведение, поварской и домашний (мясной и вегетарианский) стол до 500 блюд, различные тесто, варенья, соленья, маринады, напитки, конченые. Наставления для готовки на примусе.

Цена с пересылкой 2 р. 25 к. Адрес: Москва, улица Герцена, 22/3. КНИЖНОЕ „ПРОВЕЩЕНИЕ“.

КАЗИМИ КРЕМ МЕТАМОРФОЗА

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ПРОТИВ ВЕСНУШЕК и ДРУГИХ НЕДОСТАТКОВ КОЖИ ЛИЦА

КАЖДАЯ МОЖЕТ ПРИСЛАТЬ СВОЮ КАРТОЧКУ ПОЛУЧИТЬ ПОРТРЕТ

в наспарту 18 X 24—5 рублей, 24 X 30—7 руб., 30 X 40—10 руб., 40 X 50—12 руб., 50 X 60—20 руб. Ровно через 2 недели по получ. карточки на адрес: МОСКВА, почт. ящ. 503, или ул. Володарского, № 14. Фотография Н. Прасолова. Заказы высыл. налож. платежом.

ВЫПИСЫВАЙТЕ ПО ПОЧТЕ

МУЗЫКА

Балалайки

5,50, 6, 6,25, 6,75, 7,80, 8,65, 9,60, 13, 15, 18, 20, 25.

Гитары

15, 18, 19, 22, 26, 30, 35. Концертные 40, 50.

Мандолины

15, 19, 25, 30, 35. Концертные 40, 50, 70.

Гармонии

35, 40, 55, 75, 90, 110, 130, 150.

Граммофоны

50, 75, 80, 95.

Пионер. барабаны

15, 16, 19, 25.

Горны

17, 19, 22, 27, 30.

Местномам, клубам и коллективам скидка 50%. Заказы исполним немедленно. Задаток 25%, остальное наложенным платежом. Полный иллюстрированный прейс-курент высылается за 2 восьмилетние марки.

ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧ. БЮРО МОСКВА, Гл. Почт., ящ. 1081.

ВЫШЕЛ в художественном издании знаменитый роман АЛЕКСАНДРА ДЮМА ТРИ МУШКЕТЕРА

Полный перевод. 920 стр. с 70 гравюрами. Цена в переплете с золотым тиснением 3 р. 80 к. Выславшие деньги вперед за пересылку не платят. Издательство „АКАДЕМИЯ“ Москва, 9, Тверская 28/0.

ЛЮБУЮ КНИГУ

высылает наложенным платежом Московское Акционерное Издат. Об-ство. Москва 6, М. Дмитровка 8/в.

ВНИМАНИЕ! НОВЫЕ КНИГИ.

Д-р Левенфельд. Гипноз и его техника, очерк учения о гипнозе с обращением особого внимания на его практич. применение 2 р. с перес. 2 р. 40 к.

Д-р Дренклер. Как предохранить себя от беременности не прибегая к аборту 1 р. 20 к. с пер. 1 р. 50 к. Янкоз Д. Половая холодность женщин 2 р. 25 к. Форель. Половой вопрос 4 р. Янкоз. Олязизм у мужчин и женщин 2 р. 50 к. Кроифельд. Гипноз и внушение 1 р. с пер. 1 р. 30 к. Павлов проф. Кожные болезни и сифилис 3 р. 50 к. Певоцкий, инж. Полный курс старинного дела 5-е изд. с 407 рис. 3 р. 50 к. Н. и А. Певоцкий. Технический справочник в переп. 2 р. 20 к. Бродерсен. Сборн. техн. химич. рецептов 2 р. 50 к. с перес. 3 р. Рудь. Хозяйка-кулинарка 1370 обедов 8 р. 50 к. в пакете 4 р. Александров. Практич. школа, электротехника в 15 урок. 3 части со многими рис. и пример. 5 р. 85 к. Бехтерев. Сборка двигателя Дизеля 2 р. 50 к. Бродерсен. Самоучитель фотографии 4 вып. 2 р. 50 к. с перес. 3 р.

Краткий каталог БЕСПЛАТНО. Все книги высылает немедленно Книжный Магазин „Техника и Медицина“.

Ленинград, Пр. Володарского 55/0.

МИЛЛИОНЫ

ЛЮДЕЙ ПОКУПАЮТ

АРОМАТИЧЕСКИЕ ЛЕПЕШКИ

„РИЧАРД ВЕРДО“

для моментального приготовления равных валиков, настоек, коньяка и ликеров прекрасного качества, вкуса и аромата.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ!

Цена 30 (тридцать) коп. коробка Главный склад П. ЗАКЛИН. Ленинград, Колокольная 13.

по первому требованию высылается ассортимент в количестве не менее 10 коробок наложенным платежом.

ПЕРЕПРОДАВЦАМ СКИДКА.

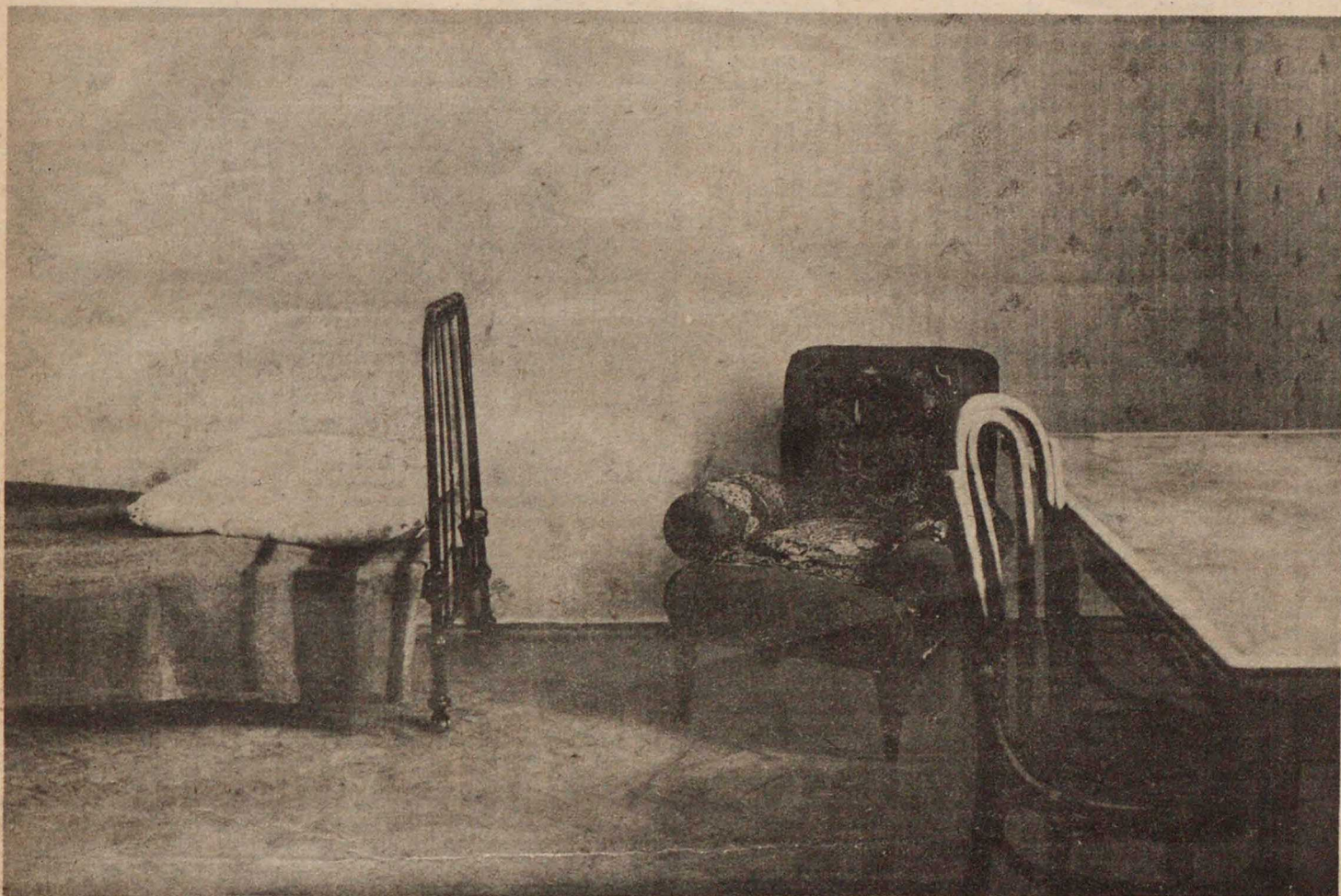
САМОУЧИТЕЛЬ ПОЛЕЗНЫХ РЕМЕСЕЛ

Как самому шить обувь, с 25 рис.—25 к. Выработка хромовых кож, окраска, лакировка, нов. рецепты — 1 р. 25 к. Образцы худож. шрифтов и рамок для чертеж., живописи. и улич. — 1 р. 50 к. Малирные работы — 85 к. Дешевый домашний стол для молодых хозяек — 1 р. Французская борьба — приемы, тренировка Лебедева — 45 к. Кройка и шитье женск. и детск. одежды — 1 р. 80 к. Как самому варить мыло — 35 к. Мейер.—Математические формулы. Необх. рук. для всех учащ. — 55 к. НОВОСТЬ Шапиро произв. хромовых кож крашение и отделка с 88 рис.—1 р. 35 к. Как выделывать юфть, с 26 рис.—50 к. Колеса, телеги, сани и пр., как самому делать, с 23 рис.—40 к. Кирпич и черепицу как изгот. самому, с 19 рис.—35 к. Ваяльно войлочное пр.—с 17 рис.—40 к. Шубно-овчинное пр., с 23 рис.—40 к. Выделка и окраска меха—50 к. Как переплести книгу, с рисунк.—55 к. Кустари. произв. из рога и кости, с рис. и рец. протрав и окраски их — 80 к. Починка резинов. галош, велосип. и автомоб. шин и др. пр. из резины — 60 к. Багетно-рамочное произв., с 13 рис.—80 к. Зеркальное произв., кустари. раб. по наводке зеркала — 80 к. Работы на панье-маше, игрушки и др. вещи—60 к. Ферьерски как сделать самому, с 86 рис.—1 р. 25 коп. Набивка чучел птиц и животных, с 30 рис.—80 к. Плетение рыболовных сетей и вязание сеток, гамаков и мешков, с 44 рис.—80 к. Рыбная ловля всех видов, во все времена года. Ловля рыбы на удочку, подпускания, сетями и др. снаряд., с 17 рис. и 8 худож. табл. пород рыб, 112 стр.—1 р. 25 к. ВСЕ ИЗДАНИЯ 1926—1927 гг.

ЦЕНЫ УКАЗАНЫ С ПЕРЕСЫЛКОЙ. С НАЛОЖ. ПЛАТЕЖОМ. НА 1 КОП. ДОРОЖЕ. Небольшие суммы просим высылать вперед, можно мелк. почтов. марк.

Каталог на 1927—28 г. № 2—около 6000 назв. Ремесла, химическая технология, спорт, охота, игры, игрушки, текстиль, кожа, живопись и т. п. высылается за 40 коп., можно марками.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН М. П. ПЕТРОВА (бывш. ст. фирма А. СУХОВА). ЛЕНИНГРАД, Ново-Александровский рынок № 93.

Спальня Владимира Ильича в его квартире в Ленинграде на Широкой ул.

КВАРТИРА ЛЕНИНА

Стройными шеренгами двигались колонны ленинградских демонстраций, шли экскурсии. Сумрачная дождливая погода, но лица людей улыбаются, и, кажется, никакой дождь не заставит заменить их улыбку.

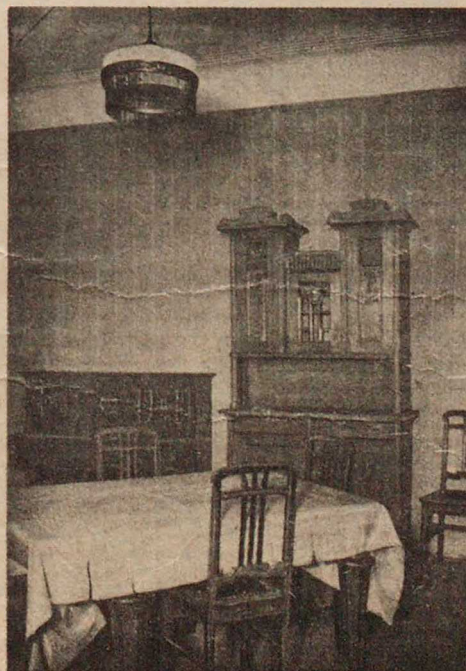
На Петроградской стороне большой праздник. Еще издали виднеется серый дом, густо украшенный флагами, цветными фонариками, лампами и зеленью. Здесь, в доме № 48, по Широкой ул., жил В. И. Ленин по возвращении из-за границы в Петроград в 1917 году¹.

6 ноября состоялось открытие музей-квартиры В. И. Ленина. Благодаря содействию А. И. Елизаровой, предоставившей часть обстановки, квартиры, где жил В. И., восстановлена Музеем Революции в таком виде, как она была в дни пребывания в ней Ильича. Восстановлены три комнаты. Институтом Ленина для квартиры-музея прислали снимки тех вещей, которыми Ильич пользовался в своем знаменитом шалаше. Здесь — и котелок, и чайник, и грабли, и пр. В музее вывешена копия протокола обыска, произведенного в квартире 7 июля 1917 г. По поводу обыска рассказывают, что в ожидании приезда Ильича из-за границы в одной комнате были развешены ленты с многочисленными лозунгами: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“. Конечно, все эти ленты во время обыска были сорваны и приобщены к делу, как „вещественные доказательства“.

Еще в 1924 г. Широкая улица была переименована и названа именем Ленина.

У нас в Союзе ССР есть множество улиц Ленина, но ни одна из них не имеет на это столько прав, как эта улица Ленинградского захолустья.

На доме выделяется скромная мраморная доска: „Здесь жил Ленин“.

Столовая в квартире В. И. Ленина.

Войдя на лестницу, сразу чувствуешь себя как-то уютнее, теплее. На небольшом возвышении стоит бюст Ленина, разукрашенный бликами цветных стекол окна. Пьедестал обвит зеленью.

Третий этаж. Свеже выкрашенная дверь. На двери маленькая табличка: „Квартира Владимира Ильича Ленина“.

Посмотрим комнаты. Сразу из коридора попадаешь в комнату, принадлежащую, как и вся квартира, Анне Ильиничне Елизаровой. Она соединяет столовую и спальню Ленина.

Заглядываешь налево. Гладкий деревянный стол, две железные кровати, аккуратно покрытые байковыми одеялами. Около окна, в углу темно-красное бархатное кресло, принадлежавшее еще матери Владимира Ильича.

Не менее скромно убранство столовой. Старенькое черное пианино, освещенное светом через стекла треугольного балкона, прислонилось к стене. От красочных плакатов во всей комнате странное яркое освещение.

Рядом с пианино буфет. Посредине — стол с четырьмя стульями, над которым свешивается лампа с белым стеклянным абажуром с бисерной бахромой. Мягкий диван у противоположной буфету стены завершает убранство комнаты.

Выходя из квартиры, чувствуешь напряженность нервов, какую-то подавленность. Вспоминаются великие дни Октября и еще сильнее чувствуется утрата Ленина.

Е. К.

¹ См. „Огонек“ № 41 за 1926 г.

РАЗОБЛАЧЕННЫЕ „РАЗОБЛАЧИТЕЛИ“

Письмо из Берлина.

Славное восстание венских рабочих в день 15 июля напало на правительство Зейделя и на клерикально-капиталистическую буржуазию Австрии страх, от которого они не так легко оправятся. Этот страх толкает их на борьбу с революционными рабочими, главным образом, с коммунистами, и борьба принимает прямо-таки чудовищные формы.

В своем неукротимом стремлении изобразить события 15 июля, как заранее подготовленное преступление коммунистов, правительство Зейделя пошло так далеко, что само попало в ловушку, — обстоятельство, которое его основательно компрометирует в глазах общественности и в то же время проливает свет на методы травли и науськивания благочестиво-буржуазного правительства.

В Вене выходит маленький грязный листок под названием „Дер Турм“, под редакцией некоего Зандора Вейса, субъекта, с которым стоит познакомиться поближе. Австрийский товарищ, находящийся теперь в Берлине, сообщил мне следующие, не лишние интереса, данные об этом лице, которое, на службе у правительства Зейделя и полиции, в травле коммунистов играет чудовищную роль.

Вейс начал свою карьеру, как странно это ни звучит, в австрийской компартии, но вскоре очутился в редакции венской газеты „Абенд“. Там он выступал в роли крайне-левого социал-демократа, но в то же время, пользуясь своим положением редактора, совершал довольно удачные операции на бирже; не останавливаясь ни перед чем, он дошел до того, что вымогательствовал у известного финансиста Кастильони. Дело обнаружилось, дошло до суда, он был приговорен к тюрьме, но в тюрьму все же не угодил! Напротив, скоро он оказался „на коне“, в кресле редактора бывшей с.д. судебной газеты „Трибунал“, в которой он даже заигрывал с СССР и выступал против социал-демократов. Но уже перед последними выборами он оказался на новом месте, в качестве редактора газеты „Дер Турм“, которая состояла в тесной связи с национальными немецкими группами. После 15 июля он наконец скинул маску. Он основал еще несколько маленьких бульварных листков, и с тех пор ведет во всей его подлейшей прессе травлю коммунистов, при чем самыми грязными средствами, но зато и самыми ходкими: путем личных разоблачений.

В этом самом „Турм“ Вейса появилась сенсация. Огромным приростом на первой странице листок взывал:

„Коммунисты хотели атаковать здания правительства и полиции“.
„Закулисная история событий 15 июля“.

И подлинно это была сенсация! „Дер Турм“ предлагал вниманию своих читателей стенографический отчет тайного заседания коммунистической группы Дейблингского района, вечером 15 июля. „Турму“ не удалось целиком расшифровать этот протокол. Вот он в редакции „Турма“.

Документ

„15 июля 1927 г. 11 часов 30 минут.
Б. 33. Б.-А.—Агитпроп.“

Кассу перенимает тов. М. (168). Делопроизводитель тов. Г. (281). Председательствует тов. Б. (481), замещая тов. Л. (30).

Порядок дня: 1) Доклад о политическом положении. 2) Ближайшие задачи партии.

1) Доклад тов. Ф. Д. (88) о действиях у ЦК.

События известны уже членам комитета путем личного ознакомления. Действия, которые проектировались еще вчера, согласно указания ЦК, в короткий срок подавлены, вследствие предательства вождя с.д., бандита Шобера.

Отправленные ЦК руководители агитпропа Л. В. (99), А. Р. (369), Ю. Р. (508), Г. С. (95), В. М. (67), В. Р. Ц. (439), Ф. Д. (233) нашли массу, которая при организованном водителе, в часы между 11 и 14 часов, без особых усилий могла быть использована в целях свержения правительства и осуществления лозунга о разгоне парламента.

Согласно сообщению товарищей, толпу, собравшуюся перед дворцом юстиции, удалось настроить таким образом, что она вождя с.д. и слушать не хотела, а даже Зейна заставила под ругательства покинуть место собрания. Благодаря инициативе тов. В. М. (67), удалось соорудить баррикаду на улице Стадиона, точно также удалось тов. Г. С. (95) оценить Ластенграссе. Тов. Ф. Д. предлагает эскиз плана, который он заготовил для ориентации на месте действия уже днем, в обеденные часы, когда полиция ушла, и из которого явствует распределение групп руководителей агита. Тов. Б. (481) замечает, что действие было недостаточно постольку, поскольку руководители последней путем концентрации перед дворцом юстиции отошли от своих прямых задач: — направления радикальной массы к самим правительственным зданиям и ЦК, — таким образом не могли воспрепятствовать вмешательству П., что было бы весьма возможно, если Шоттенберг в обеденные часы застыть прислал.

Тов. А. Р. (369) возражает, что он часов в 12 лично говорил с Ф. Д. по этому поводу, но натолкнулся на противодействие, так как Ф. Д. был того мнения, что с Аугартенского моста постоянно надвигаются части из XX и XXI районов могут предпринять окружение. Л. В. (99) заявляет, что он через сестрового около 1/2 1-го обратился внимание Ф. Д. на надвигающихся, в о р у ж е н н ы х ружьями, полицейских. Ф. Д. отрицает, вестовой к нему не являлся. Тов. Б. (481) предлагает оставить в стороне дебаты по вопросу о чей-либо вине. Важные задачи, продолжение борьбы ночью, должны быть обсуждены. Предложение принято единогласно.

Премьер-министр австрийского правительства министр Зейдель.

Тов. Ф. Г. (233) докладывает, что после последних информаций число убитых превосходит 150, а раненых 2000. Тов. Л. (30) полагает, что эти цифры слишком низки.

К. Ю. (21) передает (12.20) важные указания ЦК: заседание вследствие этого прерывается и будет в известном порядке, если возможно, завтра собором. Тов. Б. (481), Ф. Д. (88), В. М. (67) объявляются перманентным комитетом.

Первая мысль сообразительного читателя была, конечно: опять грубый подлог. Но это было гораздо лучше подлога: это была на сей раз замечательная западня. В день объявления сенсации появился в редакции венской коммунистической „Роте Фане“ автор „протокола“, чьи информации так ловко подвели Вейса.

Автор этой ловушки — с.д. журналист, который поставил себе целью показать общественности поддельные листки Вейса в их подлинной сущности. Он составил себе с большим трудом и прилежанием „протокол“, на основании определенного „ключа“, и придал ему надлежащий внешний вид. Этот документ был стенографирован и своим таинственным видом вызвал к себе доверие. Журналист направился в „берлогу льва“ и предложил ему документ для напечатания. В своей жажде противокommunistической сенсации помощники Зандора Вейса были настолько ослеплены, что не догадались, в чем тут дело!

После опубликования „протокола“ журналист передал „Роте Фане“ „ключ“ к анализу ловушки.

Вся штука состоит в том, что рядом с таинственными инициалами приведены еще более таинственные цифры. Этим для типа читателей „Турма“ усиливается романтичность атмосферы и правдоподобность разоблачения. Но как раз эти цифры являются тем местом, на котором Вейс поскользнулся.

Существует небольшая справочная книжка: „Австрийская Палата Депутатов, 1911-1917“. В этом справочнике указаны личные даты депутатов, перечисленных отдельно в порядке номеров.

Если в этом справочнике отыскать данные в „протоколе“ номера, то обнаружится, что начальные буквы там названных депутатов совершенно совпадают с мистическими инициалами протокола. Таким образом оказывается, что в качестве агитаторов во время венских событий действовало довольно блестящее общество, состоящее не только из двух теперешних министра и президента национального совета, но и из целого ряда давно умерших депутатов!

Правдоподобность „документа“ была подкреплена тем, что в статье „Техника большевистской революции“ в реакционной газете „Рейхсвест“ от 21 августа сказано следующее: „Во всей организации господствует принцип абсолютной анонимности, нет личностей, — лишь номера, отчасти в целях безопасности, отчасти в целях сохранения совершенного единства управления, и для исключения возможности преобладания отдельных лиц“.

На сей раз сам хитроумный Вейс попался. Если б он был лишь бульварным журналистом, то можно было бы отделаться от этого случая вполне уместной насмешкой. Но он — политический советник правительства и полиции! Вот почему компартия Австрии должна осветить надлежащим образом роль и деятельность этого субъекта.

А. Григорьев.

Der TURM 10
Wiener Montagblatt
Preis 1. Jahrgang

Die Kommunisten wollten Regierungsgebäude und Polizei stürmen

Die Geheimgeschichte des 15. Juli

Wien. Die Zerstörung des 15. Juli... (Text continues with details of the events of July 15, 1927, including the attempted storming of government buildings and the role of the communists.)

Венская газета „Дер Турм“ с сенсационным заголовком: „Коммунисты хотели атаковать здания правительства и полиции“.

Вышел из печати и рассылается сборник „10 ЛЕТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА“
Сборник подводит итоги достижений во всех отраслях народного хозяйства и является ценным руководством для изучения советской страны.

МАКСИМИЛИАН ГАРДЕН

О черк Андора Табора.

Умер великан довоенной германской публицистики. Его звали Максимилианом Гарденом. Собственно, его настоящая фамилия была—Макс Витковский, но он избрал себе тевтонский псевдоним. Да и велика-

щее, он почти один заполнял столбцы этого издания. Но уже с 1914 года это „Будущее“ не имело будущего перед собой, лишь сенсационное прошлое еще от той поры, когда Максимилиан Гарден, действи-

тельно, был радикальным. В эпоху буржуазной республики он уже был духовным мертвецом и хотя не высказывался за существование этой республики, но и не протестовал ни в малейшей степени против ее властей.

Его имя было связано с громким скандальным делом. В 1906 году Гарден опубликовал свои разоблачения двора Вильгельма, ближайшие советники которого были гомосексуалистами. Гарден доказывал, что вследствие противоестественных склонностей, придворные круги создают нездоровую атмосферу вокруг Вильгельма и тол-

ведь и он сам, Гарден, мужчина, раскрашивал свое лицо, как прима-балерина. Я бы ни за что не поверил этому, если бы сам не видал в прошлом году его в таком виде, его, так много писавшего в свое время о размалеванных лицах и сменявшегося под конец жизни перо на кисточку для раскраски физиономии.

По существу, интересны не разоблачения Гардена, а процессы, связанные с этими разоблачениями.

Гарден особенно обрушился на двух придворных: на князя Филиппа Эйленбурга и графа Куно фон-Мольтке. Первого он обвинял в противоестественных сношениях с молодыми рыбаками, второго — с солдатами.

Граф Мольтке, носитель исторической фамилии, был вынужден затеять процесс против „клеветника“. Гарден представил суду целый ряд документальных доказательств.

Открылась ужасающая картина распутства при дворе кайзера. Свиной хлев казался святейшей по сравнению с оргиями графов, герцогов и князей—всех этих лакеев монарха, занимавшихся лишь увеселением своего господина. Там жрали до бесчувствия, напивались до потери сознания и танцевали бесстыднейшие танцы. Один фельдмаршал, командующий армией, достаточно пожилой человек, плясал для своего монарха одетый в платье балерины. Он умер тут же от разрыва сердца—умер в трико и тюлевой юбочке. Для того, чтобы замять скандал и похоронить балерину-фельдмаршала со всеми воинскими почестями, пришлось весь Потсдамский дворец объявить на осадном положении. Во время этих оргий, среди разгоряченных мужских тел, еды и бесконечного питья, кайзер решал вопросы управления страной, вопросы мира и войны, Меч, которым разрубались Гордиевы узлы, был в лучшем случае десертным ножом...

Этот процесс, которого Гарден вовсе не хотел—он ведь требовал лишь удаления гомосексуалистов от двора—превратился в революционный акт, ибо он вскрыл подлинный лик высших слоев немецких правителей.

Уже второстепенную роль играет то обстоятельство, что Гарден был оправдан в первой инстанции и приговорен во второй к четырем месяцам тюрьмы. Неважно и то, что кайзеру пришлось удалить клику „противоестественных“ советников и пойти на конституционные уступки. После удаления гомосексуалистов от германского двора линия монархической политики не сдвинулась ни на волос. Кайзерская Германия шла к своей могиле, к мировой войне, для того, чтобы преобразиться в республику Эберта.

Немецкие фашисты, которые не могли Гардену простить ни его „будущего“, ни прошлого, совершили покушение на его жизнь.

Покушение не удалось. На судебном процессе обвиняемым оказался Гарден, а не преступники. Фашистско-монархическое правосудие германского республиканско-демократического строя держало себя по отношению к Гардену так, как оно держится на десятках тысяч процессов против рабочих.

Заметил ли это Гарден—трудно сказать. Он стал совсем тихим человеком еще до того, как смерть принудила его к полному молчанию.

Перевел с рукописи А. О.

Максимилиан Гарден.

пом, в сущности, он не был; он был скорее карликом. При этом мне припоминается невольное анекдотическая фраза:

— Ах, я уже видел большого карлика!

Да, в империалистической Германии довоенной поры были и большие карлики. У них у всех было нечто большое. Например, у адмирала Тирпича великого врага Англии, была большая борода, у Гинденбурга, победителя битвы при Танненберге, — большие усы, у Людендорфа, знаменитого стратега — большая глотка, а у хозяина всех этих господ, кайзера Вильгельма—большое желание стать Вильгельмом Великим.

Такие великие достаточно велики для капиталистической страны на последних этапах империализма.

Кто же такой Максимилиан Гарден среди этих великанообразных карликов или карликообразных великанов — что, конечно, выходит одно на одно?

Он был буржуазным журналистом, который в течение почти 50 лет занимался „разоблачениями“ и, можно сказать, что он как бы являлся олицетворением „радикальной“ буржуазной публицистики. Он редактировал в течение тридцати лет (1892-1922) журнал „Буду-

кают его на ряд противоестественных безумств.

Стоит познакомиться с мемуарами о Вильгельме, чтобы убедиться, что безумства этого „помазанника божия“ были не противоестественными, а весьма естественными для него. Гарден считал, что изнеженная придворная жизнь являлась результатом гомосексуализма, но ему не приходило в голову, что, наоборот, размалеванные, на-

„Король вводит“. Английская карикатура на оргию при дворе Вильгельма. Из материалов Музея Революции.

поминавшие уличных проституток, придворные были достойными продуктами распущенной среды.

ЧТО МОГЛО БЫТЬ*

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

„Вас ждет жемчужина Дуная!“

„Столица красивых женщин!“

„Лучшая в мире кухня!“

„Город любви и цыганской музыки!“

„Приезжайте к нам в Будапешт!“

Предполагал, что так можно рекламировать публичный дом. Никогда не слышал, чтобы подобным образом изображалась столица государства самими его представителями.

Но именно так говорят о Будапеште официальные, правительственные венгерские проспекты и путеводители, именно такие объяснения дают чиновники венгерских посольств во всех странах Европы.

Венгерскому правительству нужна иностранная валюта. Попытки раздобыть ее кратчайшим путем — подделывая в будапештских типографиях — кончились (кончились ли?) громадным скандалом. Приходится зарабатывать. Женщины, кухня, музыка — чем не плановая концессионная эксплуатация естественных национальных богатств!

Нынешние хозяева Венгрии зовут к себе туристов из всех стран, кроме, конечно, одной. Если показать красный советский паспорт венгерскому консулу или пограничному офицеру, их охватит столбняк. Щадя спокойствие этих людей, я предъявил для визы паспорт государства, едва ли не наиболее ими обожаемого. Чиновник барахтался и мурлыкал, словно паспорт мой ласково щекотал его за ухом. Он рассыпался ворохом адресов, красиво напечатанных рекламных карточек и даже попытался шепнуть на ухо несколько игривых советов, но, остановленный надменным моим видом иностранца, во время поперхнулся и стал рекомендовать музеи.

Курьерский поезд от Вены — уже преддверие Будапешта. Жужжат в проходах расфранченные лавочки — они везут из Австрии галантерею и тут же, на ходу поезда, самодержавно устанавливают продажные цены. Грозно передвигаются на широко расставленных ногах иссиня бритые личности с тяжелыми нижними челюстями и чудовищными перстнями на волосятых пальцах — конюхи, наездники, коннозаводчики — возвращаются с очередных европейских скачек, где венгерская лошадь, она одна из всех обитателей страны, еще высоко держит знамя своих хозяев. Густо и резко накрашенные дамы роняют взгляды-стрелы — живые предметы экспорта, временной возвращаемые на родину для пересортировки. Великовозрастные англичанки цвета сырого мяса непрерывно жуют всяческую снедь, выбрасывают шелуху в окна на почтительно склоненные головы жандармов. И наконец, поношенные джентльмены, тускло упершись оловянными глазами в стенку вагона-ресторана, кисло сосут через соломинку питье из бокала — стародавние венгерские аристократы, бледные выродки когдатонших рыцарей, ныне — беспредельные владыки безграничных земель и тысяч крестьян-рабов.

Граница. Проверка паспортов. Таможенный осмотр. Едем дальше, ничего не изменилось, только с каждой станцией все больше прибавляется в вагонах расшитых золотом и красками офицеров.

Венгерский гусар — украшение цыганских романсов, венских опереток и бульварных романсов. Черные очи, чардаш, заздравная чаша. Это все держалось до самой мировой войны.

В карпатских боях красавец-гусар героически удирал во все лопатки и победоносно сдался в плен. Зато он отдал душу, этот душка-гусар, после девятнадцатого года.

Он прошел огнем и мечом по нищим селам своей страны, он пытал крестьян за

сочувствие советскому строю, пытал и убивал. Самые блестящие венгерские аристократы, изысканные салонные рыцари мазурки, граф Остенбург и граф Вайя, граф Эстергази и граф Зальма, граф Понграша и барон Проней — никто из них не отказался от удовольствия испробовать женщину, зажатую четырьмя солдатами, прикончить из маузера пойманного большевика, обмакнуть лайковую перчатку в рану убитого рабочего. Только четыре месяца венгерской советской республики. И уже семь лет бесконечной, безграничной мучительной расправы... Офицеры выглядят прекрасно, мундиры красиво выделяются на зеленом плюше вагонных диванов. Если бы они поняли мой пристальный взгляд!

Этот поезд мог бы быть конспектом Венгрии. Но в нем нет самого главного. Крестьяне и рабочие не едут курьерским. Они вообще здесь никуда не едут. Не этого же, сложного пополам, в белой манишке, лакея, надо считать представителем другой стороны. У лакея в руках перчатка; изо всей силы, усердно и обильно, он перчит, засыпает красным перцем буквально все блюда на столе. Но никто не в обиде. Ведь перец — главная и неизменная приправа ко всяческой венгерской еде; браво, лакей, все тобой доволен!

Вокзал. Точка. Вещи на хранение, и — налево за угол, в сторону от шикарного разезда курьерских пассажиров. Красивый Пешт и величественная Буда — это потом. Трамвай торопится, впереди него бежит длинная улица Унарнакер, и вот — грязный законченный мурaveйник, заводский и нищенский район Будапешта. Сюда не приглашают официальные путеводители и выложенные посольские чиновники.

Огромные, по последнему американскому образцу, паровые и электрические мельницы. Громадные ликерные и кондитерские фабрики.

Машиностроительные заводы — гиганты. И, между ними, среди них, буквально бок-о-бок — настоящие навозные кучи, шевелящиеся сугробы живой грязи и засаженного тряпья.

Вся жизнь на улице — в осенней слякоти, на скользких грязных тротуарах. Лучше зябнуть на воздухе до ночи, чем задыхаться в темных тесных конурах — рабочий жилищный вопрос в Будапеште хуже, чем во всей Европе.

Ползая буквально под ногами у прохожих, размазывая уличную грязь кулачками по лицам, суетятся бледные черноволосые ребятишки. Нищета здесь живописна и жгуча — какой режиссер мог бы затейливее изобразить лохмотья на этой пятнадцатилетней красавице в рваных башмаках, с пустым рыжим котелком в руках? Пропли блудолюбные времена, больше нет того художника, что увлечется красивым сюжетом и будет писать трогательный портрет с нищенки, осчастливив при этом крупной суммой ее и родителей. Женщину-подростка задушит голодный туберкулез на фабрике или хладнокровный комиссионер, пристально всматрившись в белые плечи сквозь прорехи грязного платя, увезет товар за границу. Ведь бедняки Будапешта снабжают своими дочерьми публичные дома от Константинополя до Шанхая.

Грязные, зловещие харчевни. В котлах с темной вошочей жижей кипятится кукуруза. Со времен довоенных средний заработок венгерского рабочего уменьшился ровно втрое; цены за это же время сильно поднялись; по статистике, сейчас каждый трудящийся съедает в день пищи на одну треть меньше, чем в мирное время. Старик-мукомол доел какое-то жарено на заскорузлой сковородке и яростно соскребаёт грязными ногтями твердые застывшие куски маргаринового жира. Нет, здесь не лучшая в мире кухня!

От рабочего района Герминамец улица Гекели служит перемычкой к „благоприятному“ центру города. Но по дороге — еще один большой квартал, тоже беднота, тоже рабочие, только густо разбавленные мелкими и нищими ремесленниками. Уличная суета здесь еще яростнее и злее. Древние старухи торгуют горячей снедью. Вереницы безработных, — обтрепанных, землестых робких людей спуют вдоль улицы, пристают к прохожим, добиваются счастья поднести за несколько грошей корзинку домашней хозяйки или тюк товара. Звонки трамваев, грохот тележек, громкий и страстный гомон толпы смешиваются в общий сумасшедший шаш, которым повелевает конный городской на перекрестке.

Гордо подбоченившийся всадник — обязательный символ помещичьей Венгрии. По всем будапештским площадям насажены всякие исторические мраморные и бронзовые всадники. И — единственный город в мире — Будапешт регулирует уличное движение всадниками в униформе. Где уж, как не в Венгрии, полиции быть на коне. У рабочих — коней нет. Они под конем. В разгар белого террора были случаи, когда целые семьи коммунистов, пригвожденные пулями к земле, часами растаптывались в кровавое месиво гарцующими всадниками.

Еще несколько кварталов — суета меняет свой звук, становится мягкой, шуршащей. Меняется облик улицы, экипажей и толпы, начинается тот Будапешт, что рекомендован знатным иностранцам.

Пестрое чередование роскошных домов и дворцов, на всякий стиль, на всякий вкус. Настоящий учебник для архитекторов. Шикарно, по-парижски убранные витрины магазинов. Отлично, богато разодетая толпа. И, наряду с полчищами автомобилей, — небывалое для европейских городов обилие конных выездов.

Лошадь и здесь не может соперничать с автомобилем, как орудие транспорта и связи. Но она соперничает, как предмет роскоши. Убогие извозчики вымирают, богатые помещики не хотят сдаваться. Роскошные машины вынуждены нетерпеливо фыркать, застопоривать ход, дожидаясь, пока медленно проплывет лакированный кабrioлет или запряженная четверкой старинная карета с гербами. Автомобилисты ненавидят седока кареты; седок презирает автомобилистов. Власть здесь пока еще у обладателей кареты. Венгрия — аграрная страна, хозяева здесь крупные помещики. Они молчаливо правят со своих нескольких тихих уличек, из маленького аристократического квартала, прижатого шумным Пештом к самому берегу Дуная. Дворцы магнатов хмурятся крепко закрытыми подъездами. После девятнадцатого года появилось много красивых бронзовых решеток на окнах. Девяносто земельных магнатов владеют четвертью всей Венгрии. Вместе с девятью тысячами средних помещиков они властвуют над половиной всей обрабатываемой земли. А полтора миллиона батраков, удобряющих эту землю своим потом, не имеют даже трех аршин для могилы. Во время революции рабы не успели последовать примеру своих русских братьев. В следующий раз промедление не повторится. Бронзовые решетки безошибочно определяют будущее.

Кое-кто из обитателей частных дворцов опережает сроки своей участи. Принц Виндшигрец сидит в тюрьме, как фальшивомонетчик, граф Чешени выслан за спекуляцию, два других графа разоблачены, как пайщики крупного предприятия по торговле живым товаром. Это несколько не смущает их близких. Усатый господин в кабrioлете сдерживает возжами норовистого жеребца, словно всю горячую порывистую Венгрию.

* „Культура и революция“ № 1. Ноябрь 1927 г.

Он величествен. Разве его же лакей на запятках может сравниться благородством лица и красотой осанки.

Направо отсюда — дунайские набережные, пуп прекрасного Будапешта, главный приют великосветских тунеядцев и приезжих пенкоснимателей. От часу до трех все мобилизовано на Корсо. Это значит — по узкому тротуару над рекой медленно, с упованием и азартом толчется взад и вперед расфурнированная сверх всякой меры публика. Мужчины одеты крикливее женщин. Костюмы наваринского дымку с пламенем, неопищаемые галстуки, лаковые ботинки, белоснежные гетры. Дамская голизна более или менее аппетитно укутана в шелковую паутину всех цветов радуги.

Англичане и американцы — они все одеты много скромнее будапештских франтов — с саркастическим интересом смотрят на происходящее с террас ресторанов и гостиниц. Тротуар Корсо приподнят так, чтобы показать товар — женские ноги. Тут и зарождаются венгерские головокружительные карьеры: проститутки с дунайских набережных превращаются в украшения лондонских театров, в мировых кино-знаменитостей, в подруг американских миллиардеров. И старый кельнер из „Панони“, смакуя, в тысячный раз рассказывает гостям, что Лия де Путти была продавицей мороженого на улице Андраши, а Габриэли — дочь истопника с ликерной фабрики, а Люси Дорен... неловко даже сказать, где и с чего она тут начала. Слушатели очень внимательно принимают все к сведению, шуря, заводят через кельнера знакомство и едут с очередной будущей де Путти на остров святой Маргариты, официально охраняемый будапештскими властями, как „приют любви“.

Пятьдесят шагов отступая — другой центр Будапешта. В огромном стеклянном киоске-кафе в неистовом гаме орудует вся „деловая“ шваль столицы. И здесь, в новом ковчеге дунайского гешефта, нужно иметь один из двух признаков, чтобы считаться человеком. Надо или быть гениальным, или иметь доллары. Огромное большинство посетителей киоска причисляет себя к первой категории. Оно обслуживает меньшинство с долларами. Беспокойные гении предлагают все, что только существует в природе. За пять долларов можно иметь дюжину чернорабочих на целый день; за десять — графиню на целую ночь; за пятьдесят — потрясающую пьесу будущего венгерского Шекспира; за семьдесят пять — партию неподражаемых парижских носков. За сто долларов — сведения любой контр-разведки о любой армии, любой документ о любом человеке и о любом правительстве. На советские разоблачения и письма Коминтерна, в виду низкого качества — огромная скидка.

Искал повсюду портреты или какие-нибудь другие внешние следы Хорти. Ведь мы привыкли называть Венгрию — „в царстве Хорти“. Никаких портретов нигде не оказалось. Хорти не любит даже свои, мало знает его, он фигура только представительная, фактически же — на задворках у настоящего диктатора, премьер-министра графа Бетлена.

Зато буквально на каждом шагу, по всему городу, кроме рабочих кварталов, в любой табачной лавочке и лимонадной будке густо понатыканы фотографии здоровенного бритого мужчины с толстой сигарой в зубах. Лорд Ротермир, директор английского газетного треста — вот кого сейчас боготворит буржуазная чернь Будапешта.

После войны и поражения Венгрии, как соучастнице Австрии, пришлось изведать на себе тяжелую ручку Антанты. По Трианонском договору страну обкарнали до одной трети. Из восемнадцати миллионов населения оставили семь, с половиной. Правда, большей части отнятых областей за Венгрией состояли не полагалось. Но кое-какие куски оторваны были с мясом, в результате — около двух миллионов венгров очутились в Румынии, Чехо-Словакии, Юго-Славии.

Занятое резней внутри страны, венгерское правительство старалось держаться во внешней политике пайнойкой и не подымало до самых последних времен вопроса о своих границах. Полгода назад лорд Ротермир, посетив Будапешт и полюбившись на девочек дунайского Корсо, схватился за голову. Как это так изобидели Венгрию? Разве же можно! Немедленно восстановить! Присоединить! Преобразовать! Сто сорок редакторов ротермировских газет немедленно откашлились и ровным голосом начали диктовать стенографисткам передовые статьи о пересмотре Трианонского договора.

В стеклянном кафе-киоске до сих пор высчитывают, сколько получил лорд Ротермир за то, чтобы схватиться за голову.

Сначала держалась версия, будто у лорда есть какие-то очень крупные лично-нефтяные интересы в северо-восточных округах. Но последняя информация выяснила почти достоверно, что лорд схватился за голову, будучи вознагражден сравнительно скромной суммой в пять тысяч фунтов, плюс духовный подарок — неувядаемая слава защитника Венгрии... Так всегда поступают лордовые враги: разносят слухи, будто лорды дороги, будто к лордам не подступись. Отпугивают покупателей, скрывают от них, что отличному лорду — пять тысяч фунтов цена.

Пока что будапештской мелочной житейской мелочью вбит в голову шумный лозунг. Он должен отвлечь внимание от хозяйственного кризиса, от ужасающих налогов, от крестьянских волнений, от полицейских бесчинств. Долой Трианон, и да здравствует добрый лорд Ротермир! — это разрешено кричать на улице, и даже рекомендуется.

Франция сегодня поддерживает чехословаков и сербов, она жмется и морщится на ротермировскую кампанию. Это бесит здешних националистов, выводит из себя настолько, что заставляет разбалтывать старые тайны. Редакция газеты „Мадьяршаг“ сверкает в ранних сумерках целой иллюминацией. Окруженная десятками лампочек, красуется на витрине копия давнишней ноты французского правительства — предложение прирезать венграм лишние куски, если они примут участие в походе на Советскую Россию. Сколько лежал бы еще под спудом этот пахучий документик, если бы не драка вокруг Трианона!

Прохожие, поглазев на газетную сенсацию, торопятся весело провести вечер. Великолепный широкий проспект полукольцом опоясывает богатый кипящий Будапешт.

Внутри — десятки театров, сотни ресторанов, тысячи акипажей, десятки тысяч гуляк.

Снаружи — сутулые тени бедняков прижимаются к окнам и полукольцом, несильно, наблюдают. Греются у жаровен с каштанами, подолгу стоят в темных боковых переулках, пока конный городской не разгонит кучку лучом карманного фонарика. Так осенние волки, еще робкие, но уже понемногу сатанеющие от голода и злости, замирают, присев на краю деревни, не мигая, глядя на изыбные огни и думают свою решительную думу.

Надо устраиваться на ночь, сообразно сегодняшнему моему чину и положению — на виду, в большой гостинице. Отель „Риц“ заселен гостями из Нью-Йорка, Парижа и Лондона. Они полулежат в длинных креслах салона, священнодействуют за хрусталем и белыми скатертями. Лукавый Будапешт расточает свои прелести, баюкает цыганской музыкой, волнуется тяжелым то-кайским вином и взглядами черных красавиц. Земляки лорда Ротермира и сэра Чемберлена принимают все, как должное — разве не от них целиком зависит этот публичный дом в государственном масштабе! Они здесь у себя, так же, как в изысканных кабаках Вены и роскошных притонах Шанхая. Нет, будь что будет, пойду в „Унгарию“.

Швейцар в „Унгарии“ вежливо отводит мне комнату, но он немного удивлен. Ино-

странный почти никогда не останавливаются в этом старом торжественно-мрачном отеле. Здесь — подлинная Венгрия, в прошлом и в настоящем.

Здесь, в стремительную весну девятнадцатого года, жил венгерский Совнарком. Здесь, как в ленинградской „Астории“ топали по коридорам красноармейцы с пулеметными лентами через плечо, валялись тюки агитационной литературы, сорванные императорские гербы. Здесь, в исполинской кухне, построенной для изысканнейших венгерских обжор, варили в голодные дни тощий гороховый суп вожакам советской революции, и отсюда, похлебав горохового супа, наркомы, непринужденно, без шляпы и охраны, выходили на улицу, через мост, в здание правительства. Не было никаких гарантий от покушений; большевиков охраняла от ненависти буржуазии только ее собственная трусость.

Это было ее самым слабым местом — на редкость миролюбива была венгерская революция, особенно, в первый свой период. Да и всего, за все время существования советской власти, венгерские белогвардейцы насчитали 444 „большевистских жертвы“. В это число вошли буквально все люди, умершие по всей Венгрии за полгода неестественной смерти: жертвы трамвайного движения, наводнения и даже несколько красноармейцев, расстрелянных красным командованием за грабежи.

За то эти, нынешние, не поскупились. Десять тысяч убитых, шестьдесят тысяч арестантов! Вот входят и раздеваются — благородные мадьярские аристократы, крупные джентри, земельные магнаты, затянутые офицеры с холерными подсушками. Они прихорашиваются перед зеркалами медленными кошащими движениями, церемонно раскланиваются друг с другом и вливаются в зал, откуда гремит мазурка. Мстительно раздуваются ноздри на лакея, случайно на ходу задевшего за край сюртука.

Ему не нужен фокстрот, он наслаждается старым вальсом и бурным чардашем, этот милый, веселый раскрасневшийся танцор. Он резвится, как дитя, этот, такой знакомый и понятный классовый враг, победивший помещик.

Ведь это он, милый танцор, раздавив неокрепшую власть крестьян и рабочих, засекал на Маргаретенринге людей на смерть бичами из воловьих жил, полосовал свинцовыми палками, резиновыми и железными пестами, вешал кверху ногами и бил подвешенных.

Это он с друзьями насилует в Келендорфе жен на глазах их мужей, заставлял арестованных, под угрозой смерти, насиловать своих сестер.

Это он в Сисофоке варил трупы замученных жертв и угрожал револьверами, принуждал арестованных съесть их.

Это он в Кецкемете живьем сдирал кожу с профессора Гудей, ковырял у него в мозгу кусками проволоки и в заключение повесил его вниз головой.

Это он отбегнул мясо до костей у Золтана Самуэли, брата народного комиссара Тибора Самуэли, а самому Тибору пустил пулю в спину, обманув всю Европу басней о самоубийстве...

И это сейчас он, разгоряченный танцор, целует руку у дамы, и глаза его, красивые и страстные глаза, смотрят на даму с добродушным укором: Ах, дамы! Как из-за вас страдает бедное мужское сердце.

А ведь все это могло быть у нас! Реакция в аграрной стране, промышленность скомкана и продана за гроши иностранному капиталу; помещик торжествует и уливается победой; кровные рысак на улицах; вино и цыганская музыка в роскошных кабаках, многие тысячи изуродованных жертв белого террора на холодной бескрайней равнине — разве это не точная картина послесоветской эпохи в России, если... если наша революция не выжила бы, не прошла бы крепко уцепившись за надежную руку самой твердой в мире партии?

Тысячи блестящих туристов, воодушевленных делегатов от буржуазии всего мира, в курьерских поездах спешащих в Москву, скорей увидеть скованную, повергнутую во прах революцию. Яростный разгул, английские нефтяники на тройках с колокольцами по Тверской, биржевая сволочь у Филиппова, опять дворянские балы в Доме Осюзов, черное горе рабочих улиц в Сокольниках, на Симоновке, на Красной Пресне...

Это все могло быть в России, если бы пролетариат и партия хоть на один месяц, на один день поколебались бы, выпустили бы оружие из потемневших отможенных рук, поддались бы на уговоры, пожалели бы кого-нибудь, уступили, поскользнулись.

Это все могло быть в России, и это случилось здесь, — вот мазурка хочет заглушить крики пытаемых, каблучки великолепных танцовщиц уже девятый год утаптывают в могиле побежденных.

Зад плывет и качается перед глазами. Бегу наверх, в номер, срываю одежду, зарываюсь головой в подушки, сдавливаю виски около ушей, чтобы не пропустить в мозг яростные иглы музыки оттуда, снизу. „Унгари“ дунит вышиной старинных комнат, тенями ушедших отсюда и замученных революционеров. Кто жил в этой комнате? Самуэли? Ракоши? Может быть, сейчас убежать из этой мраморной клетки? Позвонить слуге и уехать? Нет, это глупо: одним неосторожным шагом или словом можно погубить себя, угодить в настоящую клетку... Надо остаться, надо перетерпеть. Ведь где-то, на Востоке, далеко, но есть же шестая часть света, откуда угнетатели изгнаны навсегда! Ведь это же не бред, что в Москве, вот уже совсем скоро, будут праздновать десять лет советской власти. Ведь и я скоро доберусь туда, снова увижу всю эту, сказочную для „Унгари“, явь своими глазами!

Сон приходит в кошмарах, пробуждение — резким толчком, поздним утром. Выхожу

СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ОТЧИТЫВАЕТСЯ ПЕРЕД РАБОЧИМИ ВСЕГО МИРА

10 октября в Москве открылся конгресс друзей СССР. Конгресс ставит перед собой две основных задачи. Одна: подытожить опыт великого десятилетия, дать ему всестороннюю оценку, выявить бесспорные достижения социалистического государства; вскрыть недостатки нашей работы, указать на предстоящие трудности, помочь братским советом их преодолеть. Участники конгресса это сделают, как подобает истинным друзьям СССР.

Другая боевая практическая задача, успешного разрешения которой ждут от конгресса рабочие и крестьяне нашей страны: это: смелая и открытая борьба против готовящихся империалистических нападения на Красные республики. Пусть конгресс подымет свой голос против тех, кто вынашивает разбойничьи планы удушения молодого очага новой жизни. Пусть пошлет он позор и проклятие всем бандитам империалистического милитаризма!

На конгресс прибыли представители трудящихся со всего земного шара. Члены различных партий и беспартийные собрались, чтоб заслушать доклад Советского правительства о его работе за 10 лет.

На сцене — делегаты слушают речь А. И. Рыкова.

Фот. Б. Капустянского — Русс-Фото.

на набережную, стынут глинистые мутные волны „голубого“ Дуная. Величественный мост — я иду в Буду, где высокомерно туманятся каменные громады венгерского Кремля. Молчат длинные дворцы, уланы в фантастических накидках караулят входы.

Кто здесь? Какая форма правления в этой стране? На серебряной монете написано — „королевство Венгрия“.

А король? Лондон пока не разрешает. Нет подходящего кандидата, да и в соседних странах рано еще поднимать переполох. Хорти считается „хранителем“, здесь во дворце, старый адмирал дремлет на сту-

пнях трона, опершись на окровавленную шпагу.

Ведь и это тоже могло быть у нас! Царская семья вся перебита, но помещики все равно объявили бы Россию монархией и клыкастый генерал дежурил бы у трона, пока из-за границы не прислали бы самодержца.

Все могло быть. Но не случилось. Неужели это правда? Неужели отсюда, из страшных низин, от подвезда Хорти, можно взобраться вверх, до великих деревянных ступеней на Красной площади?

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Будапешт. Октябрь.

В БОРЬБЕ ЗА НОВЫЙ АЛФАВИТ

Раскрепощение национальной школы после Октября, развитие национального языка и литературы у народов мусульманской культуры, главным образом, у тюрков СССР поставили на очередь целый ряд вопросов в области реформы алфавита, орфографии

Председатель Азербайджанского ЦИК'а тов. Агамали Оглы произносит речь на 3-м всесоюзном тюркологическом съезде в Баку. Рядом с ним Мемед-Заде, дальние сидят: Г. Ибрагимов, академик С. Ф. Ольденбург.

и упрощения литературного языка. Всем известно, какую боевую остроту и актуальность имеет в настоящее время проблема реформы алфавита у тюркских народов Советского Союза. Старый арабский алфавит со всей сложностью его написания, с его системой точек, надстрочными и подстрочными знаками, являлся крайне труд-

ным для усвоения, не говоря уже об его несоответствии фонетике тюрко-татарских народов.

Идея латинизации тюркского алфавита возникла еще в середине прошлого века, но попытки ее реализации всецело относятся к послеоктябрьскому периоду. Азербайджан первый стал на путь радикальной реформы, введя у себя латинизацию. Неутомимый пропагандист реформы, председатель Азербайджанского ЦИК'а тов. Агамали-Оглы в своей книжке „Неотложные культурные нужды тюрко-татарских народов“ так вспоминает о своей беседе с В. И. Лениным по поводу введения нового алфавита: „Это было в 1922 г., осенью, когда я, представленный тов. Елукидзе Владимиру Ильичу на даче „Горки“, говоря об азербайджанских делах, между прочим, коснулся вопроса о новом алфавите, кратко охарактеризовав старый. По внимательном выслушании меня и после вопроса „а как относится крестьяне к этому делу?“ и моего ответа о доброжелательном их отношении, он кратко произнес: „Это революция на Востоке“.

Трехлетний опыт Азербайджанской республики показал, что новый алфавит, введенный в школах 1-й ступени, дал прекрасные результаты; усвояемость его на 70—80% выше усвояемости арабского алфавита. За короткое время ликвидирована неграмотность среди 70.000 рабочих и крестьян и во всей Красной армии. Бакинская газета „Ени Ел“, печатающаяся на новом алфавите, имеет значительное и все возрастающее количество подписчиков.

Особенное значение получил новый алфавит у тех народов Сев. Кавказа и Ср. Азии, которые до Октября не имели никакой письменности.

В связи с реформой алфавита немалое значение представляет и реформа тюркской орфографии, опять-таки имеющая целью ее

упрощение. Нельзя также не отметить очень определенное движение среди ряда тюркских народов СССР, направленное к реформе самого литературного языка в смысле приближения его к народному и к очищению от всяких арабизмов и персизмов. Само собой разумеется, что реформа алфавита является не только изменением знаков начертания, она влечет за собой ряд крупных перемен культурно-общественного характера.

Для известной плановости в проведении реформы создан особый комитет нового тюркского алфавита, на весеннем пленуме этого года в Баку принявший унифицированный алфавит.

Некоторые из наших республик ознаменовывают десятилетие Октября изданием

декрета о введении нового алфавита. Этим как бы лишний раз подчеркивается огромное культурное и общественное значение этой реформы.

„Латинский алфавит — не мрачный верстовой столб, — сказал в своей речи на Бакинском съезде покойный председатель Всесоюзной научной ассоциации востоковедения тов. Павлович, — на пути

конфликтов между отдельными тюркскими народностями и этими народностями в СССР, с одной стороны, и зарубежным Востоком с другой. Это — этап на великой дороге к завоеванию тюрко-татарскими народами культуры, цивилизации, всех благ прогресса, которыми до сих пор пользовались только европейские народы“.

Проф. И. Бороздин.

Aa	Bb	Cc	Cc	Dd	Ee	Ээ
Ff	Gg	Gg	Hh	Ii	Jj	Kk
Ll	Mm	Nn	Nn	Oo	Öö	Pp
Qq	Rr	Ss	Ss	Tt	Uu	Vv
Xx	Yy	Zz	Zz	Ыы		

Унифицированный новый тюркский алфавит.

НЕПОПРАВИМОЕ

Отрывок из нового романа „Михаил“ Панаита Истрати. Окончание*.

Моя липованка не всегда была такой несчастной. Ее муж был рыбаком и работал за собственный счет. Он уходил каждый вечер на рыбную ловлю на Дунай со старшим из троих детей, мальчиком 15 лет, „сильным, как бык“, и возвращался утром довольно рано. Рыба была продана, и в карманах были деньги. И отец, и сын были славными людьми. Они не пили и все отдавали бабушке. Конечно, денег было немного, но в один день больше, в другой меньше — можно было жить. И в самом деле, все шло хорошо „до праздника вознесения, в прошлом году, когда вовсе перестало идти, ибо в это проклятое утро мальчик прибежал в два часа ночи и стал стучать в окно, а когда она ему открыла, у него только хватило сил сказать: — „Мать... он утонул...“ и он упал на глиняный пол хижины.

Лодка потерпела крушение, была буря, и волны хлестали во всю. Отец, на котором были тяжелые сапоги, сделал все возможное, чтобы удержаться, пока сын его, который был босиком, храбро боролся, чтобы содрать с него „роковые сапоги“ — единственное страшное препятствие для этих прекрасных пловцов, но, будучи старым и истощенным, он утонул в то самое мгновение, когда оба сапога остались в руках мальчика. За мгновение до этого мальчик слышал, как он крикнул: „Петрушка! спайся! и будь добр со своей матерью“.

И Петрушка был добр со своей матерью, которая чуть не умерла. Но, когда ты беден, умереть не так-то просто! Кто знает? Может быть, нужно жить, чтобы искупать какое-нибудь преступление отцов или дедов!

Семейство оправилось, благодаря героическим усилиям мальчика, который стал настоящей главой семьи для маленьких детей и матери, постаревшей „на десять лет за шесть месяцев“. Петрушка делал чудеса, чтобы зарабатывать достаточно, для того, чтобы нищета не показала своих зубов у порога дома, но это было невозможно. Денег было вдвое меньше, чем при отце, несмотря на то, что он сгибался под самой тяжелой и хуже всего оплачиваемой работой в порту: разгрузке вагонов с рожью, когда ему удавалось разгрузить на своих шестнадцатилетних плечах между 6 часами утра и 8 вечера от 10 до 15 тонн зерна! Но и этого было недостаточно, чтобы насытить четыре рта, так как работа была не каждый день. Петрушку липована быстро отстраивали румыны, у которых были „вот такие толстые ножи“ за поясом.

Тогда бедной бабушке пришлось сдать хозяйство на руки 12-летней дочери и пойти присоединиться к тем несчастным, которые бегут из вагона в вагон, собирая пыль, зерна и ругательства, чтобы с трудом заработать еще франк или два в день.

И вот в один из первых дней своего униженного ремесла она увидела бегущий народ и большую толпу возле рабочего поста, который был недалеко от того места, где она подметала вагон, но она не захотела бежать смотреть, что случилось, зная, что грузчики ругаются и толкают за каждый пустяк. Тогда внезапно „ее правый глаз начал быстро и сильно подергиваться, и сердце начало биться так, что она чуть не упала“, она бросила мешок и метелку и со всех ног побежала смотреть, кого это кладут на носилки.

Ей не нужно было подходить слишком близко, чтобы убедиться, что это был ее сын Петрушка, тот молодой человек, о котором товарищи говорили, что „трудь его

попала между буферов и расплюснута, как тарелка“. Она издали заметила его широкий пояс из зеленой шерсти, который одним концом свисал из носилок, и тогда у нее почернело в глазах, голова закружилась, и она больше ничего не знает...

Ее подняли и перенесли в аптеку, где она проснулась с ужасной головной болью. Аптекарь оказался хорошим человеком, ухаживал за ней, как мог, но она довольно долго удивлялась, что сидит на чистой кровати, она, нищая женщина. А потом перед ее глазами промелькнул конец зеленого пояса, память вернулась, и она встала, крича, как животное, которое душат. Она хотела выскочить на улицу, но упала на пороге аптеки. Добрый аптекарь поднял ее, уложил в комнате позади магазина, приласкал, потом позвонил в больницу, откуда ответили, что ничего серьезного нет, что у Петрушки только раздроблено плечо, что он поправится.

К несчастью, это было только утешением, и ответ из больницы был всего только человеколюбивой ложью! Правду несчастная мать узнала только в комиссариате, где человеколюбие встречается редко, правда была жестокой, такой, какой она ее почувствовала, когда забило ее сердце и правый глаз задергался: да, прекрасная грудь Петрушки была „раздроблена и сплюснута, как тарелка“.

...
— Но у Петрушки есть хоть могила, — добавила она, кончая свой рассказ.

Липованы прибежали кто с одним франком, кто с двумя, и его не оставили в больнице, „где режут мертвых, и где их так грустно хоронят“. Он похоронен на липованском кладбище „с попом и евангелием, его похоронили, как доброго христианина, каким он и был при жизни“.

Ах, все то же!.. бедной женщине необходимо было утешение, и она нашла его в могиле своего сына. Она нашла утешение и во мне, после того, как облегчила свое сердце, рассказав мне о своих несчастьях. И это сделало нам много добра — и ей, и мне. „Значит, — сказал я себе, — я не совсем лишний на этой земле“!

Мы встречались каждое утро, как старые друзья. Она улыбалась мне издали, показывая мешок полный „гозури“; а я показывал ей торбу, полную плombs и веревок, торбу, которую она мне подарила, чтобы я не клал их больше в карманы.

И это существо, на которое мое воспитание указывало, как на существо, достойное презрения, сделалось мне настоящим дорогим, что иногда, не встречая ее до двенадцати, я начинал искать ее с одного конца порта до другого, между сотнями вагонов, в муравейнике всевозможных повозок. Я находил ее, говорил ей всякие хорошие слова, подбегал к ближайшей походной кухне, откуда приносил ей куски жареной печенки и хлеба.

Но однажды я не нашел ее, хотя обыскал весь порт. Я не нашел ее ни на другой день, ни в следующие. О, я почувствовал себя тогда самым несчастным из несчастных! Я был уверен, что она лежит в постели, так как туберкулез сжигал ее понемногу. Я не знал, где она живет... Я не знал даже ее имени, так как мы всегда называли друг друга „бабушка и матушка“.

На пятый день я начал искать в липованском квартале. Я ходил из дома в дом, спрашивая жителей и рассказывая ее собственную историю.

И я нашел ее... И никогда счастье и несчастье не встречались так близко лицом

к лицу. Я был так счастлив, как никогда не был и, верно, никогда не буду, даже если мне дадут целое царство... Но кто узнает, кто смог бы заглянуть в мое сердце, когда я увидел ее такой неотвратимо потерянной?

В труппе, на кровати из досок, она устремляла свои сверкающие от жара глаза на многочисленные иконы, собранные в восточном углу. Возле нее, держа ее за руки, были ее мальчик и девочка: оба уже истощенные непрощающей болезнью. На столе остатки горохового супа, принесенного соседями. И я стоял перед всем этим беспомощный, как каторжник в кандалах.

Когда она меня увидела, на ее землистом лице отразилась такая радость, что я обнял ее и поцеловал с порывом, на который не чувствовал себя способным и заплакал всем сердцем, всем своим, ставшим человеческим, сердцем...

И тогда я начал действовать...

То, чего бы я не сделал для себя, для матери и отца, чего бы я не сделал ради свободы и солнца, я сделал ради этого солнца страдания: я продался. Я стал слугой.

К счастью, я попал к человеку... Человеку, который понял меня без всяких распросов, и который дал мне денег без условий и разговоров. Этот человек Кир Никола, у меня есть долг по отношению к нему, долг, который я никогда не смогу отплатить.

А теперь, друзья, знаете ли вы, кто эта женщина?

...
Адриен и Петров широко открыли полные слез глаза:

— Это, наверно, там, где...

— Да, там, куда я вошел, вы видели с этим маленьким блондином, внизу, и де ля Коморофка.

— А! — воскликнул Самоила, — завтра рано утром я возьму врача и экипаж и поеду к ней!

— Это добрый жест, — сказал Михаил, — но знаете, дорогой Самоила, что для этой несчастной уже нет „раннего утра“, ни врача, ни добра, которые могли бы помочь ей. Она тронута непоправимым!

Тем самым непоправимым, о котором вы недавно говорили, что оно постигло искусство со смертью Верещагина, но там оно может быть поправлено другими Верещагиными, которые, может быть, и превзойдут его. Но из всех огорчений людских, непоправимое, которое постигло мою бабушку — наиболее горестное, наиболее отчаянное, наиболее облитое кровью, здесь нет речи о полотнах, которые не будут написаны, но о самой жизни, которая является целью творения, той жизни, которая холодно бьет нас, равнодушная к своему бытию или небытию.

И это непоправимое совершается по всей земле, в каждую минуту дня и ночи: когда мы работаем, отдыхаем, спим или гуляем, поем или плачем. Оно совершается неотвратимо и будет совершаться, пока будет существовать жизнь на земле, ибо само существование есть зло.

Против него мы бессильны. Что можно сделать с деревом, которое расщепляет гроза? А дальше?

Спокойствие... Спокойствие. Призовем спокойствие на наши вечно кровоточащие раны. Только оно со своим светлым и кажущимся равнодушием, может помочь нам разобраться в сложной работе творца и этим сделать ее для нас менее жестокой.

Перевела с рукописи Б. Болеславская.

* См. № 46 „Огонька“.

КАК „ВОДУ КАЗАЛИ“

Очерк Ник. Погодина.

Едучи глухими стенными дорогами в каком-нибудь допотопном шарабане, задумаешься в одиночестве и уж непременно, как это с нами бывает в такие тихие мелодичные часы,—взгрустнешь. Встретится ли у дороги старая черная мельница с тремя крыльями, заметишь ли седую голову каменной бабы, перешептывающейся с ковылями, остановишь взгляд на далеком кургане, с верхушки которого ястреб недоверчиво оглядывает дикую степь, и сердцем овладевают чувства, подобные тем, какие испытываешь на кладбище.

Вот де была дебелая старина, красивая своим прихотливым, узорным бытом, нравами людей и замечательными делами их... и взгрустнешь о старине. Грешен аз... да и то еще надо сказать; у нас многие люди любят добрым словом помянуть старину, похвалиться перед молодыми ее обычаями, „трихнуть стариной“, гордо повторяя по всякому поводу:

— Так ли было у нас.

Возьмите к примеру наши новые свадьбы, упрощенные, с тем глубоким и ясным реализмом, который стержнем проходит во всем переустройстве нашей жизни — тут есть над чем подтрунить и поизвить любителям старины:

— Ну, что это такое?.. Ну как же это так... Так ли было у нас! Ведь на всю жизнь память оставалась о таком дне. А какие прелестные обычаи были у народа...

И вот недавно в старинном горном городе Урала — Златоусте я видел свадьбу с обычаями, исполненную по точному ритуалу старины, вернее, не всю, а лишь отдельный бытовой обряд ее, о чем и расскажу, особенно имея в виду любителей старины.

Свадебная процессия медленно, но шумно двигалась по кривой и грязной улочке унылой пригородной слободки, описывая

которую надо рисовать коз, гусей и тому подобную живность. Оставим коз пугливо прыгать к заборам и кур взлетать на заваляшки от крикливой ватаги людей, которая больше всего сейчас интересна.

По какому-то обычаю, придуманному в давние времена досужими людьми, требовалось „невесте воду казать“. Так мне сказали соседки, высыпавшие на улицу наблюдать это происшествие, и присовокупили:

— Ну, теперь будет же дело.

Уличка слободки выходит к большому пруду, разлитому в огромной горной котловине. В редкие в этих краях солнечные дни пруд бывает тихий, голубой. А этот день был подлинно-осенний, и пруд бесился под крепким горным ветром, что свистел по слободке и рвал старые крыши ее. Вода посерела, немилосердно взвешивалась, выла и плескалась у берегов. С гор бежали, раздирались, свивались в клубки сумасшедшие тучи. Ветер пригоршнями хватал их влагу и бросался мелкими колючими брызгами над долиной, прудом, согнувшимися мокренькими домишками. Зябко было... очень зябко. А на Таганай¹ творилось уже совсем чорт знает что — может, снежный буран, или еще какая пляска стихий.

Свадьба двигалась к пруду, оглашая улочку таким несуразным пением, какое доводится редко слышать в наши времена, — где-нибудь в грязном трактире залезет веселая компания „удалой разгульной“, да и то ненадолго — остановят или выгонят. Издали пение походило на отчаянные крики задрожавших пьяных людей, но люди дрались не думали и выпили в меру, так что пели они песни, какие полагалось петь по случаю свадьбы и никого не трогали. Медленно и самостоятельно шел впереди гармонист — парень с лицом рыбьим, нелюдимым и скучным. Он ловко наигрывал что-то веселое и даже милое, иногда останавливался, оглядываясь назад, будто измерял, как велика дистанция, отделяющая его от самой процессии — неудобно же уходить слишком далеко. Под его мелодии плясала простоволосая женщина с визгом и присказками бойкой скороговорки. Она поднимала подол, показывая мощные ноги, обтянутые лиловыми чулками, деловито топала ногой, отчего летели брызги, как из — под колес грузовика и вскрикивала очень нежно, но довольно громко:

— Ух!

За ней по пятам следовал человек с лицом крайне суровым и как бы предвещающим что-то недоброе. Он тяжело ступал своими чугунными сапогами охотника. Рубаху его малинового сатина комкал и вздымал ветер, показывая зрителям каменную темную спину хозяина ее. А хозяин старался ниже на брови надвинуть меховую шапку — треух, ози-

рался по сторонам и время от времени кричал изо всей мочи:

— Я — тигра морская.

При том утвердительно показывал пальцем себе в живот.

Детишки хохотали и прыгали в восторге.

В стороне, держась ближе к домам и выбирая путь посуше, шли „молодые“: девушка лет девятнадцати с бледными молочными глазами, напоминающими что-то телячье, доброе, беловолосая, весьма плечистая, ее муж, франтовато одетый в новую черную „пару“ парень, старающийся держать себя непринужденно, но подавленно пьяный. Молодая жена крепко держала его, а он все пытался как-нибудь схитрить, вырваться и тогда кричал гостям своим:

— Гуляй, я отвечаю!

Следовало еще человек десять. Трое женщин, обнявшись и раскачиваясь, точно гонимые ветром без всякого пути, пели унылую песню про бабью долю. А перед ними бурно танцевал некто, изображающий главное лицо этого шествия, твоясь затем, некто таинственный, одетый в женское (кстати очень грязное) платье, которое болталось поверх штанов смешно и печально. И совсем уж безобразно выглядело его лицо, небритое, с обвисшими усами, которое он повязал синим платком. Платок сполз на бок, прикрывал край левого глаза. Но этот веселычак плылся, размахивая ведрами, которые нес на коромысле к пруду.

Воодушевляясь, он выделял ногами различные заковыки и вдруг, изнемогая, увядал и сопел. Был он пьян очень, и, видно, только память о взятой на себя серьезной роли удерживала его от бесславного падения на дороге.

— Ведро не потеряй, чорт! — кричали ему дружелюбно.

И он отвечал невнятно, будто язык прижег, но громко:

— Я?... Простите!

— Потеряешь и воды не покажешь.

— Я?... Простите!

Чтобы доказать свою способность твердо владеть предметами, он побежал к забору, нагнулся, схватил обеими руками тяжелый камень, но забыл о ведрах, которые вместе с коромыслом сползали в грязь. Ведро упало и покатились, однако престиж человека был восстановлен: он легко подкидывал перед собой каменную глыбу, играл с ней ловко, как с мячом. Потом молча бросил камень, утер окровавленную ладонь о край розовой рубахи, поднял ведро и с плисом пустился к гармонисту. Тот стоял у пруда и безучастно глядел на воду, наигрывая прежнюю веселую песню.

— Ермоша, можно мне тебя поцеловать? — нежно спросил он у гармониста и сию же минуту бросился к женщинам.

— Бабы, всех перекупаю!

— Те завизжали. Жених крикнул:

— Гуляй!

— Я — тигра морская! — рявкнул широкий детина и ударил сапогом о землю. Погледел на то место, куда ударил и сказал себе самому убедительно, и тихо:

— Ее не пробьешь, а сапог же пробьешь.

Обиделся.

— Эх, разве это жизнь!

И запел:

Я по милому страдала —
Живет милый далеко...
О!

Вся эта ватага неразборчиво шумела и радовалась под косыми струями сыпучего дождя. Пруд глядел недружелюбно. С берега спустился человек в юбке и с ведрами брать воду, дабы исполнить обычай старины, без чего свадьба как бы не завершена и не может запомниться на всю жизнь.

Он влез по колена в воду. За ним следом спустилась простоволосая, плясавшая всю дорогу, женщина, отняла у него ведро,

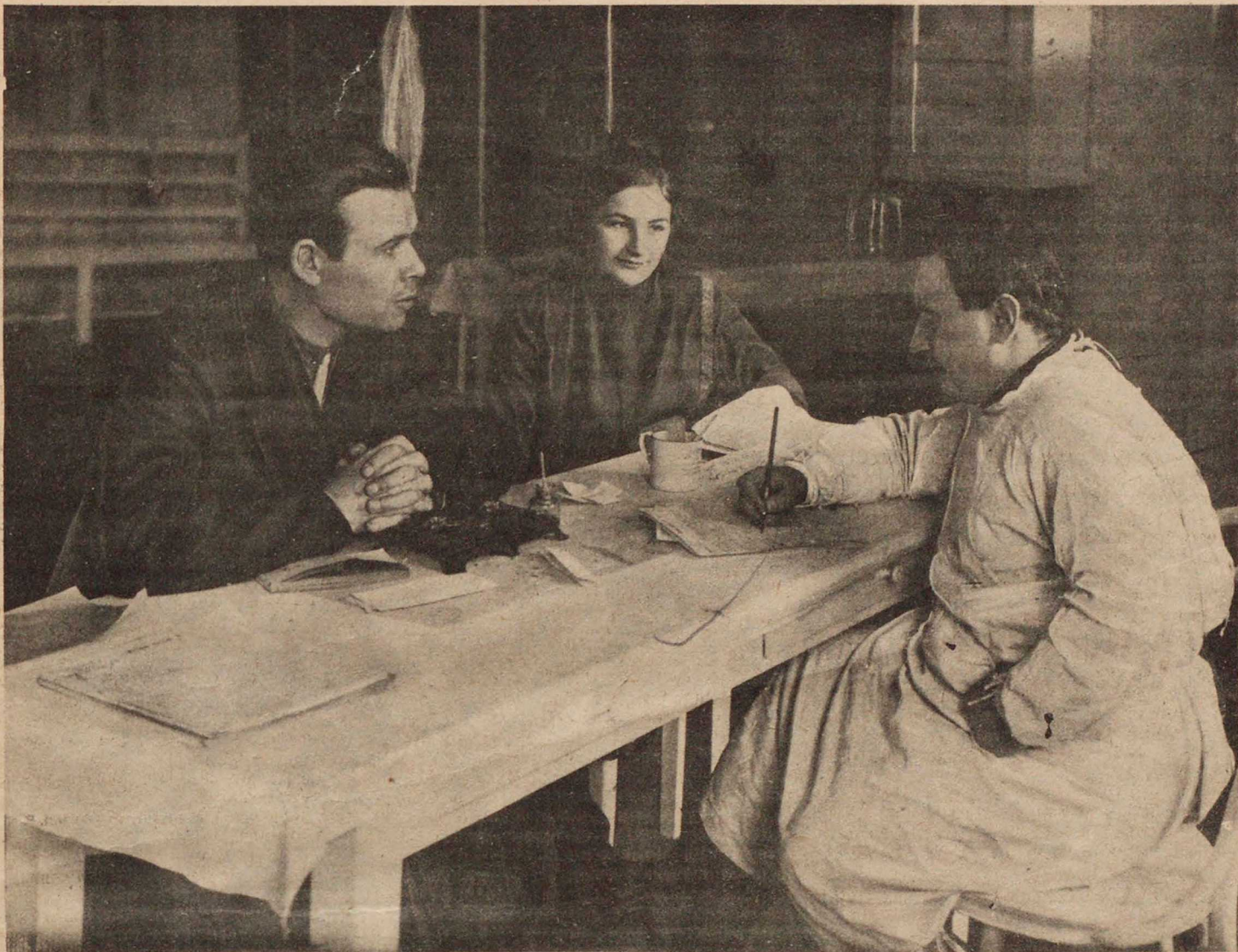

Подглядывают. Дикий обычай.

Фот. Е. Микულიной.

¹ Самая высокая гора на Урале.

НЕ К ПОПУ, А К ВРАЧУ

В Советском Союзе 70% вступающих в брак делают это без церковного обряда. Зато пред вступлением в брак часто делают анализ крови для определения состояния здоровья вступающих в брак.

бросила все на берег, а обладатели ведер толкнула в воду.

— Плыви, чортов рак! — захохотала она, — знай порядок!

— А и то... — рассудительно ответил он. В своем двойном одеянии он устремился вперед, нырнул, его платок, развязавшись, поплыл на волнах, его владелец вынырнул дальше, фыркал, запел и поплыл.

На берегу хохотали, хлопали в ладоши. Гармонист присел на корму лодки и деловито наблюдал за плывущим, не переставая играть. Ветер с россыпью дождя бешено кружил над прудом, точно и ему стало весело от такой затеи.

— Не бойтесь, не утопнет, — говорили, — он такой.

А он все плыл и опускался на дно измерить глубину. Женщина, толкнувшая его на исполнение всех порядков свадьбы, вдруг побежала в воду и тоже поплыла, предвзвременно выругавшись. А потом мирно крикнула на берег:

— А вода, бабы, холодная.

Ее стали звать с берега сердито:

— Прасковья, остудилась... дура.

— Ей богу, холодная вода, — утешала кунальница.

— Хорошо! — горланил тот, что успел уже заплывать на порядочное расстояние и барахтался в воде, очевидно отяжелевший.

Молодой муж стремительно оторвался от скромной своей жены и с разбегу бросился в пруд в своей новой щеголеватой черной паре. Он нырнул и долго был под водой, но кепка его не всплыла. Вынырнул в кепке и кружился в мутной воде с лицом, исполненным храбрости.

Гости восхищались.

— Ну, и разошлись!.. Вот так расходились.

Гармонист заиграл протяжную песню. Женщины ответили воющими причитаниями про любовь-злодейку и ненастные ночи. Человек, именующий себя „тигрой морской“, обнял и комкал невесту, а та смеялась и повторяла:

— До чего же весело у нас.

Потом она подошла к гармонисту, села рядом и говорила ему, как все это весело. Он силянулся. А там все еще орудовали в воде трое людей, с трудом удерживаясь на поверхности. Первый совсем жалобно глядел на берег, к которому подбирался туго и глотал мутную воду. Но прежде всех вылез жених. Дотоле франтоватый его костюм приобрел вид большой печали. Жених устало поднялся на берег, подошел к гармонисту и стал на колени в жидкую глину. Жалобно глядел он в лицо гармонисту, утер губы и заплакал.

— Ермоша, — заревел он, — зачем же ты?..

— Чего ты? — векочила жена, подняла его под мышки, — обделался-то как, господи!

— Зачем же ты?.. — причитал парень, болтая руками. — Зачем ты отбиваешь?

— Кого? — безразлично спросил гармонист.

— Ж-же-ну... зачем же жену мою. Я ей хозяйин или ты?.. Зачем же? Друг ты мне, а?

— Брось!

— А, нет! — хозяин своей жены натянул обеими руками кепку. — Ты думаешь, я пьяный, да?

К ним сбегались гости. Женщины ласково уговаривали жениха. Невеста испуганно, готовая плакать, разводила руками:

— И что ему в глаза влезло?

— А ты теперь мужняя, — зло заметила ей одна женщина. — Остерегайся. Потрапай, если у его такой характер.

— Я могу тебе доказать, кто я такой есть, — кричал ревнивый муж, — хоть ты и гармонист!

Нагнув голову, он бросился к тому, кому хотел „доказать“, но в этот момент сюда прибежали с полными ведрами воды те двое, что оставались в пруду. Они выполняли свою обязанность — окатили водой жениха и невесту, плескали прямо в лица гостям, те визжали, дрались.

Жених сопел и рассмеялся.

— Испужали! — сказал он.

Гармонист гордо пошел вперед, заиграл веселое. Невеста обняла суженого своего, и он закричал:

— Гуляй, я отвечаю!

Колотили в пустые ведра. Пели ужасно, хрипло и, как могли, громко. Шли под режущим дождем, мокрые, замызганные грязью — какие-то одичавшие. Сзади ступал могучими своими ногами огромный житель этой слободки. Он повернулся ко мне, стал твердо, оглядел меня и спросил:

— Ты знаешь, кто я?

— Нет.

— Я — морская тигра, — сурово сообщил он. — Понимаешь?

— Да.

— Ну, то-то! — погрозила мне, пошел за своими и запел песню про любовь проклятую.

Свистел и бесился ветер над печальным прудом. Высокий синий Таганай заволокла промозглая дымка.

Ник. Погодин.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДЕСЯТИЛЕТНИЕ ОКТЯБРЬ

Северо-кавказские войска.

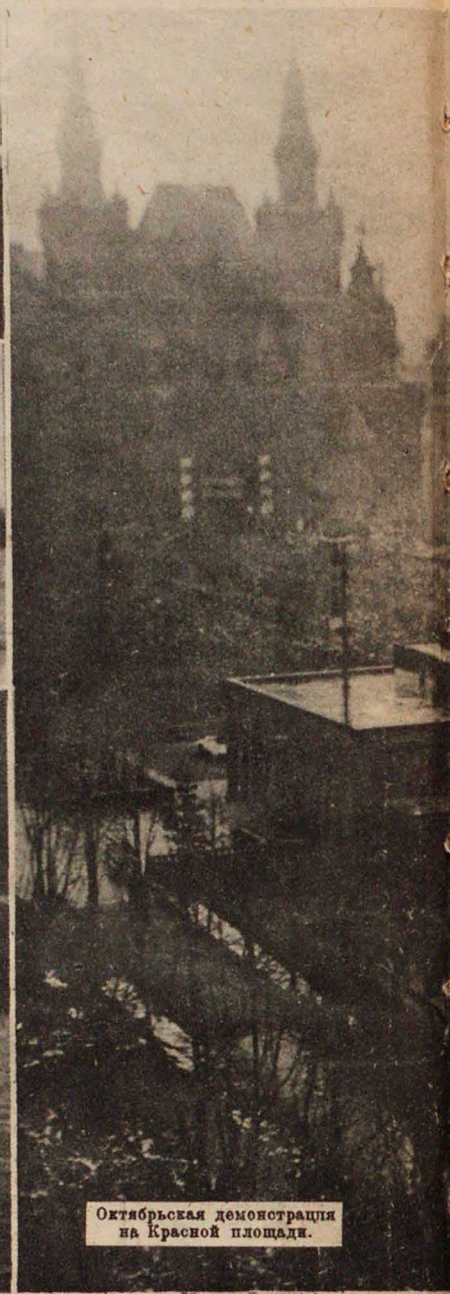
За власть Советов!

Калиныч.

Войска особого назначения.

Октябрьская демонстрация на Красной площади.

М. И. Калинин принимает парад. Рядом — тов. Ворошилов.

Парад 8 ноября в Ленинграде. На трибуне А. И. Рыков и К. Е. Ворошилов.

Я! ДА ЗДРАВСТВУЕТ МИРОВОЙ ОКТЯБРЬ!

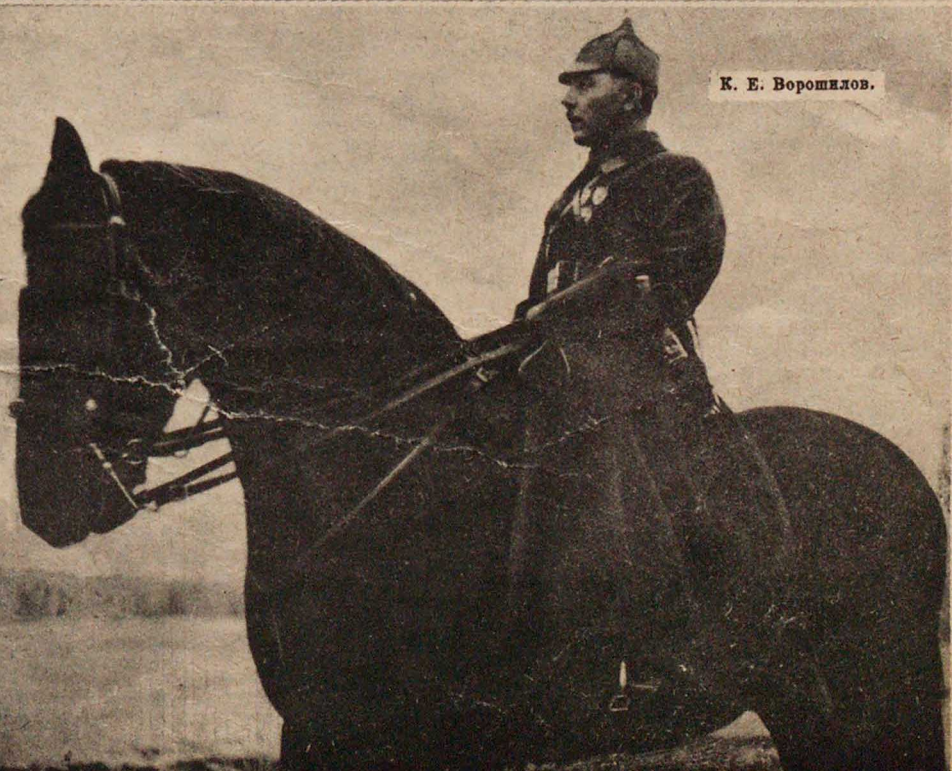
Снимки С. Фридлянда, С. А. Красинского, Русс - Фото и бр. Булла.

Ц. К. ВКП на трибуне мавзолея.

И. В. Сталин и В. М. Молотов.

К. Е. Ворошилов.

МОЛОДОСТЬ

Рассказ Ивана Новикова.

Молодость глупа и молодость мудра. Это не противоречие; это очаровательное сочетание.

Когда мальчика зовут Митей или Колей, или Мишей, это ему кажется незаслуженною обидою: он — такой необыкновенный, и такое обыкновенное имя! Мысли эти приходят в апреле; не в апреле-месяце, а в нашем апреле, когда где-то внутри пупится желтая верба —

(а на лице чешутся усики), —

когда жаворонок поет в душе — на слова непереводимую песню — и поднимается что-то в груди к самому горлу столь высоко, что физически ощутишь этот комочек —

(а тетки наши и завистницы-сестры говорят тогда: „Как у Миши препротивно ломается голос!“).

Мила!.. Просто хоть плачь. Виктор, Евгений, Святополк, Ростислав — вот имена! Или даже пышнее еще — Аполлон, Геркулес, Гауризанкар... Впрочем, кажется, нынче открыли какую-то гору выше Гауризанкара... Не забыть посмотреть в географии!

Надо сказать еще, почему именно подобные мысли приходят; приходят они потому, что ни разу еще такому вот Мише не доводилось услышать, как нежно может вдруг зазвучать в чьих-то устах serenee это имя, когда оно вдруг становится единственным именем.

Нашего мальчика звали Петром, т. е. Петей; это нисколько не было лучше ни Мити, ни Коли, ни Миши. А когда называли дома Петрушей (и ласково даже!), то это казалось последним падением. Было ему 19 — Петруше; и верба пушилась; и жаворонок в груди заливался; и тайком перед зеркалом изучались усы (*усы*) и глаза, и прядка волос на непостижимо прыщавишем лбу.

„Вторая ступень была позади, а впереди была жизнь со множеством ступеней; и лестниц со ступенями — различных — также было не мало. Петя мечтал обо многом — раскидисто и разбросано.

То разводил он на блюде краски, рисуя картинку „из советского быта“, где старый профессор вез на салазках пак, а „вымирающая буржуазия“ с пустой плетеной корзинкой глядела на него с нескрываемой завистью, и поодаль еще из саней выезжал Владимир Леонидович Дуров, а в санях был запряжен худой и облезлый верблюд, и перед ним остановилась толпа, и из толпы сухая старушка (об этом гласили слова карандашом) корыстно и деловито спрашивала: „А что энтих, скажите, едят? — когда все это, перепачкавшись красками, маделал наш Петруша, он высоко заносился мечтой, как он найдет в героических образах, и в образах жутких, — эпоху на полотне: сочетание пафоса и сарказма, сатиры и лирики, что-то совсем небывалое; и как перед этой картиной в немом восхищении застынет толпа, и в этой толпе... точно он никогда не мог разглядеть — ни лица, ни фигуры, но колечками падали приди волос и неизменно на бархатной шапочке — очень простой — дорожкой бежала лиловая лента.

(И вот возникала пышной гробницей, с наплевкой на голове, шафранная тетка; она походила на бабочку „мертвую голову“, и голос ее доносился через века: „Противный мальчишка! Опять ты закачал мне скатерть!“).

То имел слабость Петруша модулировать голосом, строить гримасы — (сестренки прозвали эти гримасы „лимонами“) —

— строить „лимоны“ и классически строго выкидывать руку перед собою: это был Цезарь или Карл Моор, или сам Гамлет, принц Датский; но кто бы то ни был,

это всегда был (до очевидности ясно, спорить могли бы только кретины), это всегда был — *Качалов*: не Василий Иванович только, а Петя. Легкий озноб охватывал кончики пальцев и по спине бежали мурашки; зрительный зал — воображаемый — подернут был сизым туманом, и только внезапно вставало оттуда, как марево: в радужном круге — прядка волос, лиловая лента... И Петя так нежно, так бархатно переходил на чарующий шопот...

(А из спальни в ту же минуту он слышал: „Петечка наш — опять граммофончик завел... Слышишь: шипит!“ И весело над граммофончиком сестренки смеялись).

Конечно, он бегал встречать на вокзал и Мари и Фербенкса — настоящих, живых, и не переставших от этого быть фантастическими. Давка, жара, но наконец-то встречали „героя“. Кого? Да его самого: Аполлона, Качалова, Фербенкса, Гауризанкара... И лиловые ленты прострелили во множестве...

(И даже сестренка рядом пищала: „Милая Мари! Мари — люблю!“ Петя был горд: наконец-то признала! Наконец-то признали — *его!*).

Но не всегда мечты эти Петины так уже слишком парили над веком. Порой и они спускались к земле; такие слова, как Волховстрой, Русские Самоцветы, Алдан — звучали ему, как широкая музыка. Но и тут неизменно была все та же романтика: строитель, старатель, исследователь...

(А ежели этот исследователь мастерила что-нибудь дома: испортилась лампочка — соединит волоски, пробки перегорели — вставит колечко из проволоки, примус починит, у швейной машины наладит челнок... мало ли что? — тогда его шансы поднимались высоко: „Петруша наш — все-то он знает, все-то умеет! И что за умница мальчик, не мальчик, а прелесть! И других таких мальчиков не отыскать!“).

Петруша бывал в этих случаях и рад, и не рад: герой на пятячке!

Можно бы тут и еще одно замечание сделать, да, кажется, это ясно и так: был наш Петруша — интеллигент. Но был он и просто — не мало таких — мальчуган. И это в нем главное, потому что в заглавии сказано: *молодость*.

Петя Жилиев не избалован, и оттого много для Пети событий. А поехать на дачу большое событие. Тетки сидели безвыездно — шили, кроили, продавали старье, вспоминали про старое. Сестры и Петя также сидели в Москве, но выпадали денки — можно куда-нибудь выскочить: к подруге, к товарищу. О прошлом не думали: прошлое было похоже на какую-то смутную сказку; теток любили даже немного поддразнивать, как-то вязались они с такими словами: шафран, нафталин, но когда прихворнут, такими они становились старушками, что дети ходили на цыпочках: не потревожить! Младшая девочка раз прибежала к Пете в слезах, сразу он даже не мог разобрать, в чем собственно дело: „Лежит на диване, как старая муфта... и, знаешь, такая какая-то... будто пустая... И так мне сделалось страшно... так сделалось жалко...“

Но Пете сейчас не до сантиментов. Он бодро настроен, даже эгоистично, даже готов — точно мужское в нем наливается — на удал, на дерзость — не разберешь, но как-то упруго, задорно все, очень отчетливо. В вагоне, конечно, — стоять, говор и семечки, жаркие плечи и влажные спины. Но в окоп ветерок, мелькают деревья, цветы, точно качает и мчит какая-то зыбкая сетка. После Мытищ стало полегче. Мелькнули Подлипки, с нелепым подобием какого-то капища, постояли немного подольше из уважения к Цекубу, очевидно, на сдержанном чопорном Бошове, и открылась прямая стрела на Загорянку. Петя стоял

у окна. Тюбитейку его (по моде текущего года) лизал ветерок, сердце стучало, щурился глаз — ежели выпрыгнуть, то не отстану... И на Загорянке, в кучке людей, внезапно увидел — ясно под солнцем, отчетливо — в яви и во плоти — лиловую... Нет! — лента была мягко-зеленая, но так еще лучше! — ленту и прядку волос: все было так, как многожды мерещилось...

Но никогда не мерещилось Пете, как будет дальше, как вообще разное в жизни бывает. Началось с неудач. Ему было на лево — через полотно, а „она“ побежала направо, на широкую просеку. У Пети нога прилипла к земле: не хотелось идти одному. Неудача вторая: Коли Ростовцева не было дома — с утра уехал на лодке вверх по реке. Однако Ростовцевы — старшие встретили Петю хоть и с развалей, но ласково — насколько умели, и накормили его пирогом; после обеда он яростно выиграл партию в шахматы у полуседого „правозаступника“, это все — таки было приятно — как если бы выиграл целый процесс. Но неотвязно стояла перед глазами (будто звала) все та же небольшая фигурка на станции: все в ней было так — как единственно радостно, он ничего не захотел бы переменить. Глаза были серы, продолговаты, он уловил один ее взгляд: прозрачный и странно внимательный; и в нем была свежесть, прохлада — напоминало росу.

Петя и сам гордился своими руками — („Фу, что за руки! Совсем обезьяна — в шерсть!“) — но шерсть — это мужество, а длинные пальцы: это — скрипач, это — актер! У нее были руки другие — руки малышки... Он живо представил: как гнездышко ласточки — мягко, тепло... Он никогда не увидит ее! Он ел тут пирог, выигрывал в шахматы, что-то выдавливал из себя, чтобы поддержать разговор...

— Да, тетя Кастуся (почему-то в семье ее называли по-польски) — тете Кастусе с утра нездоровится... Но ничего, все, слава богу...

— ...Может быть, буду держать в электро-технический...

— ...Бис — ничего! Да, он здоров... Третьего дня все сосиски поел... (Бис — это был кот: толстяк и кастрат, общий любимец).

Так он ел, играл и болтал, а она была где-то поблизости, и глаза ее — серое озеро — отражали весь мир, но в мире том не было Пети; и руки ее — эти быстрые ласточки („гнездышко“ выпало как-то и осталась одна быстрота и подвижность) — ласточки эти реяли в воздухе, не задевая его... Он никогда, никогда не увидит ее!

Ходили гулять. В лесу было тихо, птиц не слышать, немая узорная тень колыхалась медлительно, важно; только шуршала порою листва да изредка падала хвоя. Лениво Ростовцевы собирали грибы, и поминутно „правозаступник“ упорствовал:

— А п...почему же — п...поганки? А р...разве п...поганка не гриб?

Но рыхлая вялая дама аккуратно выкидывала все, что он ей приносил:

— Это тебе, Валерий, не суд... Не зачитывай... И — никаких апелляций!

Петя томился, весь его пыл как бы глухо закупорили — в банку с притертой пробкой; и отпотело стекло, и у Пети — простунилась испарина. И зачем, ежели вдуматься, этого типа называют — Валерий? В нем нет ни капли Валерия! И почему они собственно — муж и жена? И что же такое — любовь?

Была хороша и просторна только река. По пояс в воде стоят камыши; белое облако: белые водяные лилии тонут в его призрачно холодных снегах. Вода недвижима; небо над ней недвижимо. Какая была бы отрада стоять и смотреть — вместе с ней

и так помолчать — вместе с ней! Как ее имя? Ему никогда не узнать, как ее имя!..

После прогулки Ростовцевы спали. Он почитал — не читалось. Да и вечер уже. Вышел к реке. Какой-то рабочий внизу лениво возился со срубом: новый колодец.

— Я тебе что говорил! — кричал на него с высоты как бы залитый луною, белый старик.

Ему было за восемьдесят, и на него было странно глядеть, будто сошел с иконостаса, а рубашка каменная, как у „народа“ из оперы. Но он не статист, и он не святой: голос дышал зазором, азартом, хозяйской рачительностью.

— И тебе что говорил! Разве колодезь так ставят... Выше колодезь надо копать!

— А ты что за указчик! Не ты мне заказывал!

— А кто же заказывал? Кто? Пролетарият?

Старик весь изогнулся и уперся руками в колени. Он выкрикнул это „про-ле-та-ри-ят“ с таким вдохновенным сарказмом, с такою напористой силой, как если б поставил последний чекан.

Рыжий рабочий поднял к нему голову снизу. Его борода горела на солнце как зажженная пакля. Это вырвалось солнце. Петя, чувствительный к краскам, перевел глаза на закат и увидел багровую реку — неузнаваемую. Она поглотила его, и он не слышал, что было дальше. Река пламенела. Клоасти тучи с опаленною рыжею шерстью дымилась в воде, и казалось — вода закипала. Бурозеленый камыш подернут был весь ядовитой ржавчиной.

— Петя, чайку! — услышал он с дачи.

Но Петя мгновенно пригнулся, чтобы его не увидели, и боковой тропинкой — бегом!

Он бежал по тропинке вдоль берега, за огородами, потом по дороге, потом через лес. Он бежал так, как если б его гнали бичами.

„Какой я дурак! Какой я дурак! Я давно уже должен быть здесь... Я ее должен был здесь сторожить... Ведь я упущу ее, я уже упущил ее, и я никогда...“

С шумом, как ветер, налетел неожиданный поезд. Садиться? Остаться? Как же она? Машинально ощущая обратный билет, Петя — давимый, давя — втиснулся вслед за другими в узкую дверь! Длинный свисток рванул паровоз; а Петю, как пламя, охватила иная уже горячая боль.

„Что ж я делаю? Зачем же я сел? А что если в эту минуту...“

В эту минуту Пете представился ужас: она заблудилась в лесу, хулиганы напали — раз, раз — и... А он мог бы — надобно было бежать по темнеющей просеке — он мог бы поспеть, он отбил бы ее — ах, отчего он не ранен? Он нес бы ее на руках, а по груди стекала бы кровь, а она в полубомороке прижималась бы крепче, все крепче — к нему... Не соскочить ли?.. Да нет, поезд летит. В вагоне темно: режим экономии. Кто это?

Впрочем, сначала о Пете. Вы скажете, может быть: это невероятно; почему непременно — бандиты, и почему непременно — он должен спасать? Но, дорогие друзья, молодость именно невероятна — вы позабыли ее; попробуйте вспомнить!

К Пете подсел пассажир. Петя не сразу его разглядел, но принужден был всмотреться. Как он ни был взволнован своим — бегом любви (ибо это любовь пробегала в крови — от невинного серого взгляда до рокового конца: он не успел ведь, бандиты теперь... может быть, именно вот... подняли руку...), как ни был он весь поглощен этой своею трагедией — воображаемой, но пережитой — все ж он не мог не заметить: как если бы ветром сдуло лавку напротив — две дамы и девочка бежали стремглав, хотя им и некуда было присесть; и на Петиную лавку — солидный уже господин, и не из трусливых, должно

быть, — также грузно поднялся и, ворча, отошел, крутя своей жирною шеей.

Петя взгляделся, и в полусвете липнувших сумерек увидел лицо. Это не было вовсе лицо. Грязные тряпки — от челюсти к бритому черепу и от бритого черепа к челюсти; пятнами — кровь. Туго обмотана вся голова в сплошную култышку — забинтован и глаз, затянута и нос. На корявых руках также, запекшейся короткой, кровь. Но короткие пальцы цепко сжимали каменную грубую кожу сапог; сам он был бос.

— Что это с вами? — спросил его Петя невольно.

Тогда человек, или вернее его голова, начала понемногу, как если б крутили ржавую гайку, вращаться. Вращалась она по направлению к Пете, давая неспешно ему обозреть все холмы и долины, и все залежи рыжей кровавой руды. И, наконец, движение это достигло намеченной цели. На Петю глядел единственный глаз — незабинтованный. Он как бы взвешивал: да говорить ли еще — молокососу — тебе?

И Петя услышал скрипучий, многоподъемный, медлительный бас:

— Это... *оса!*

Пауза; взгляд (насмешливый взгляд); и медленно, тем же порядком — гайка в обратную сторону.

Петя не знал, что и сказать. Он не робел, вовсе напротив, с какою-то страстью, надрывом — твердил он себе: да, хорошо; вот они каковы; кошмар, так кошмар! И ярко в глазах закипала река — закатное солнце и кровь... Все это было бессвязно, тревожно и горячо. Но нет, он не должен бежать! Он должен быть здесь! Силы его опять прибывали; пружина готова была развернуться.

— Больно? — спросил он меж тем, вовсе по-детски.

Послышался клёкот; марля задвигалась, как если б ее потрясал чудовищный внутренний смех. И опять все это *дикое* сооружение — не гайка, а допотопная пушка — повернулось к нему. „А что если он... именно он...“ — мелькнула кошмарная мысль.

Но Петя узнал постепенно (Петя и спрашивал), какая оса.

— ...поднес это чашку... И всего-то другая бутылка...

— ...хгы... хгы... И стерва она... систематическое хищение — вот оно что! (Это он рывкнул на весь вагон). Из штанов документов у сонного... Да, *предварительно!* И, видишь ты — сука — другому передалась... полюбовнику!

— ...и, видишь ты, прямо зубами... как яблоко... в щеку...

— ...а любит — хга! хга! — тебе-то, пыленок, не сообразить... Поймаю — убью!

Кто-то вдруг на ходу — сразмаху ударил его по плечу:

— А Настька туда подалась — к паровозу — на тендере...

Не отпуская сапог и уже издали замахнувшись ими покрепче (все головы дачников — как колосья под ветром...) — быстро он ринулся к двери.

А немного спустя, попадали с полком цветы, зонтики, шляпы, все дико качнулись вперед и повторно качнулись назад. Поезд остановился.

Петя стоял между других на полотне, и Петя глядел, как красную груду вынимали из под колес. Свежая кровь брызнула сверху на старую; пальцы впились в голенище, не отпуская. И красная Настька (красная юбка цветами), когда волочили ее по осклизнувшим шпалам, была... да, была хороша; белые ровные зубы ее были оскалены в дерзкой улыбке.

Петя глядел и не мог оторваться; зубы его неровно стучали: „Так вот... Так вот какова бывает любовь!“

Вдруг кто-то тихо, как упадет весенняя лыбка — склонился к нему на плечо. Петя повел головой и увидел — ее!

Девушка полукриво нежный свой рот, члены ослабели, и тяжело она рушилась в Петины руки. Наконец-то! О, наконец!

И как было легко для Петиных рук! Сила играла в крови: гармония, ритм, хорошо! Так кровь пересилила кровь: все было полно, все пело, все было развязано. Ужас, который он видел, непостижимым путем переходил в ощущение радости: это был ужас, которого избежала „она“, от которого Петя — уберег ее, спас. Мораль, размышления, жалость — все это было далеко. Было одно: потерял! И рядом стояло другое: нашел! Да, было все это непостижимо, но было — именно так. Косматые ели, косматые тучи, и ночь; космический хор. И бремя для Петиных рук — было легкое бремя; и жутко пришедшая радость была для него — легкая радость.

Полубоморок этот продолжался недолго, однако, очнулась совсем — только в вагоне. Петя ее посадил у окна и бережно, нежно держал ее руки. Они говорили немного, но много и горячо он говорил про себя. Он говорил, что нашел ее наконец, что он никогда не оставит ее и никому не отдаст, что он ее спас — она и не знает — что это было действительно — на просеке, там, когда на нее напали бандиты, что жизнь для него... что для него — теперь только жизнь.

Велух же спросила она:

— Как вас зовут?

Он покраснел, покраснел... выдержал паузу, выпятил грудь, едва удержался, чтобы классически строго не выкинуть руку перед собою, и, как на уроке, ответил:

— Евгений... А вас?

— А меня зовут Маша.

„Слава богу, она-то хоть мне не соврала“ — подумал Евгений наш с радостью.

На вокзале в Москве сразу они не растались. И у 34-го, и у 22-го происходили бои. Петя был рад; очарование длилось.

Он предложил ей пройти до Красных Ворот, чтобы там сесть на Б. Она согласилась.

Как весело было шагать по камням мостовой! Какая другая была старушка Москва! Он говорил ей о тетках, о сестрах, о Бинсе... И все они выходили у него очаровательными существами. Сестры особенно. Тут он старался во всю: „Как они будут рады увидеть ея!“ („Воображаю...“ — запнулся он сам про себя. — „Ну, ничего... Я им покажу, если хоть слово... если хоть что-нибудь...“). Но под мостом Петю настигла беда: беда-испытание. Маша взглянула на спутника, даже остановилась; это был пристальный взгляд. Но наконец она тихо и твердо сказала:

— Хорошо, я приду.

Петя весь засиял.

— И как же, спросить прямо вас: Женю, Евгения?

Петя весь сжался. Мост, мостовая, все было — мрак. Лицо его передернулось: этот „лимон“ был неподдельный.

— Знаете, — глухо сказал он. — Не приходите. Я не достоин. Я вам солгал. Меня зовут не Евгений.

Он не посмел на нее даже взглянуть. О, жалкий конец! О, минута позора! Все было кончено. Маша взглянула недоуменно; Маша ждала. Петя чувствовал это и, двигая глыбы, с усилием выговаривал:

— Я вам солгал. Я думал так лучше, красивой. Меня зовут — Петей.

— Петя, да вы совсем дурачок! — воскликнула Маша, смеясь; и ожило все — трамвай, электричество, камни. — Петя! — еще раз — раздумчиво, медленно протянула она это имя, и о чем-то задумалась.

„Петя, да ты совсем дурачок!“ — повторил он себе самому. — „А ведь, кажется, я нашел свое имя!“

Молодость, нет, мы не спорим — глупа, но при чем же тут мудрость? — А найти свое имя? Уже и это одно — великая вещь! Геркулес, Гауризанкар! Нет, уж довольно: теперь и в историю можно не лезть, и в географию можно теперь — не глядеть!

Иван Новиков.

ЗАКАТ БУРСЫ

Очерк А. Дейча. Снимки П. А. Езерского.

„Как только ударил в Киеве поутру довольно звонкий семинарский колокол, вышедший у ворот Братского монастыря, то уже со всего города спешили толпами школьники и бурсаки. Грамматики, ритори, философы и богословы, с тетрадками под мышкой, брели в класс“...

Как вкусно, со множеством подробностей, сочных и завлекательных, описывает в своем „Вии“ Гоголь киевских бурсаков-семинаристов, их учебу, построенную на бессмысленной схоластике и палке. Да, были идиллические времена, когда ученая толпа богословов разбредалась по лицу земли русской, чтобы проповедывать среди малых сих заповеди смирения, подчинения сильным, непротivления злу.

Тогда, во дни сурового самодержавия религия была вернейшим средством закрепощения крестьян и рабочих. Киевская лавра играла в этом деле свою роль.

От времен средневековья и до начала нашего века сюда стекались паломники, проходившие многие сотни верст, несшие медные гроши корыстолюбивым попам и монахам; здесь в старину виднелись толпы любознательных путешественников, красочные процессии иностранцев и золотые поезда киевских митрополитов.

Потом Гоголь рассказывал о веселой и беснечной жизни киевских бурсаков—грамматиков, риторов, философов и богословов, в которых розгами вбивали премудрость церковных наук.

Н. Г. Помяловский, обладавший ярким талантом бытописателя, нарисовал картину того мрачного вертепа, в котором бурсаки получали духовное образование...

И сразу пришли другие времена... Метла революции вымела вековые традиции дореформенных бурс и семинарий. Декрет Советской власти об отделении церкви от государства нанес последний удар этим застенкам церковного образования. Широкая струя просвещения залила села и деревни...

Пройдите по длинной аллее, усаженной „тополями киевских высот“, стройными и тронутыми золотой парчей поздней осени. Пред вами ворота Киево-Печерской лавры, ее обширный молчаливый двор, где сразу вас поражает тишина, безлюдие, заброшенность.

Здесь холодное, музейное ощущение, нетронутость древних мумий, покрытых пылью веков. Резко отдаются шаги случайных прохожих. Вы минуете высокую колокольню, с золотой вышки которой виден город и окрестности за сто верст, где молчат ныне 10 тяжелых лавреких колоколов — и сразу же, по левую руку — небольшой одноэтажный корпус — „высшая украинская богословская школа“...

Разумеется, здесь нет уже шумной толпы школяров, и класс не наполняется разногласными жужжаниями богословов. Здесь всего два десятка слушателей, пришедших изучать церковные науки „с разрешения государственной власти и по благословению священного синода“.

Так говорится в уставе богословской школы. О, благоразумные сочинители устава! Киев пережил 14 переворотов. Высшая богословская школа хочет быть „сверхполитичной“, она лояльна ко всякой власти и признает ее „государственной“. Деникин, Петлюра, бело-поляки — все это в свое время — законная власть, ибо „несть власти, аще не от бога“.

Мы заходим в узкие двери, и тут же попадаем в атмосферу какой-то средневе-

ковой затхлости, удушливости давно отжитых времен.

Слушатели встречают нас с недоверием, с какой-то опаской. Повидимому, их особенно пугает фотографический аппарат.

Мы успокаиваем их, что пришли с „честными намерениями“.

Нас ведут в класс. В комнате — парты, совсем такие, за какими мы сидели в гимназические годы: для профессора стоит кафедра, и тут же — аналой с подсвечником и высокой восковой свечей. Сбоку — черная классная доска, испещренная надписями. Читаем с удивлением: „Среда — Апологетика“.

— Что это за штука апологетика?

— Не знаете? — удивляется один из наших собеседников. Это богословский предмет. У нас еще преподают исагогику, экзегетику, аскетику, канонику, гомиетику...

— Это для нас китайская грамота, — замечаю я.

Богослов обиженно смолкает.

Из дальнейших расспросов мы узнаем, что курс преподавания трехлетний, что принимают в школу только окончивших гимназии.

— А трудовую школу?

— Не годится... — уверенным басом заявляет высоковозрастный школьник, явно дялковского происхождения.

Из класса мы переходим в другую комнату, совсем маленькую, оклеенную наивными обоями с цветочками. Здесь большой стол, за которым сидят слушатели и читают свежие газеты. Это зал для отдыха между лекциями, — маленький, но ведь число учащихся — тоже невелико. Богословские школьники чинно читают газеты, следят как бы с птичьего полета за той жизнью, которая, махнув на них рукой, пробегает мимо, среди необъятных просторов Советской страны...

Как странно видеть этих людей, молодых и вместе с тем мертвых для живого, шуршащих свежими листами советских газет,

„Персонально я сниматься не согласен...“

У входа в богословскую школу в Киеве.

где каждая строка кричит о строительстве нового мира...

Не удивительно, что фотографу хочется щелкнуть аппаратом.

— Вы садьте немножко вбок. Я хочу вас снять отдельно.

Длинноволосый, высокий богослов, потомок гоголевских Хомы Брута или Тиберия Горобца, категорически протестует:

— Персонально я никак не согласен, а в компании — пожалуйста.

Затем, мы попадаем в общежитие, узкое и тесное помещение, с убогими постельями. У каждой из них — деревенский сундук, где, должно быть, среди старенького белья

из дома привезенная банка варенья, липового меда или засохший пряник...

Мы разговариваем о многом, но ни один из наших собеседников не говорит, не хо-

Обсуждают вопросы гомиетики...

чет сказать, какими темными и извилистыми жизненными путями пришел он сюда, в этот край мертвых и забытых святынь, и к чему ему богословие, самая бесцельная и беспочвенная из всех человеческих химер.

Они и смешны, и жалки эти странные недоросли, наперекор всему копошащиеся в покрытых паутиной безднах богословской премудрости.

На них смотришь, как на восковые фигуры наноптикума, как на выходцев из другого, чуждого и враждебного нам мира.

Потом, когда думаешь о сравнительной молодости этих школяров, внезапно из глубин сознания пробуждается какое-то озлобление: почему они намеренно идут к ложной и паразитической жизни в те великие дни, когда мы стараемся создать единую мировую семью трудящихся.

Больше нам нечего делать здесь, среди знатоков гомиетик, апологетик и прочих заушных наук...

И вот снова усаженный деревьями двор лавры, живописная дорога вниз, под сводами и аркадами. Здесь некогда раздавались причитания калек и нищих, пение слепых лириков. Но теперь и здесь тихо, не для кого стало им петь.

Старый монах, провожающий нас, как бы чувствуя наши мысли, говорит сокрушенно:

— Нет будущности у нашей школы. Не то, видно, время.

И вдруг добавляет:

— Не хотите ли полюбопытствовать взглянуть на мощи?

Навстречу нам поднимаются три рослых красноармейца. Веселые, молодые, обветренные

лица. Они хохочут задорно:

— Вот тебе и мощи! Не угодно ли: святой Илья Муромец!

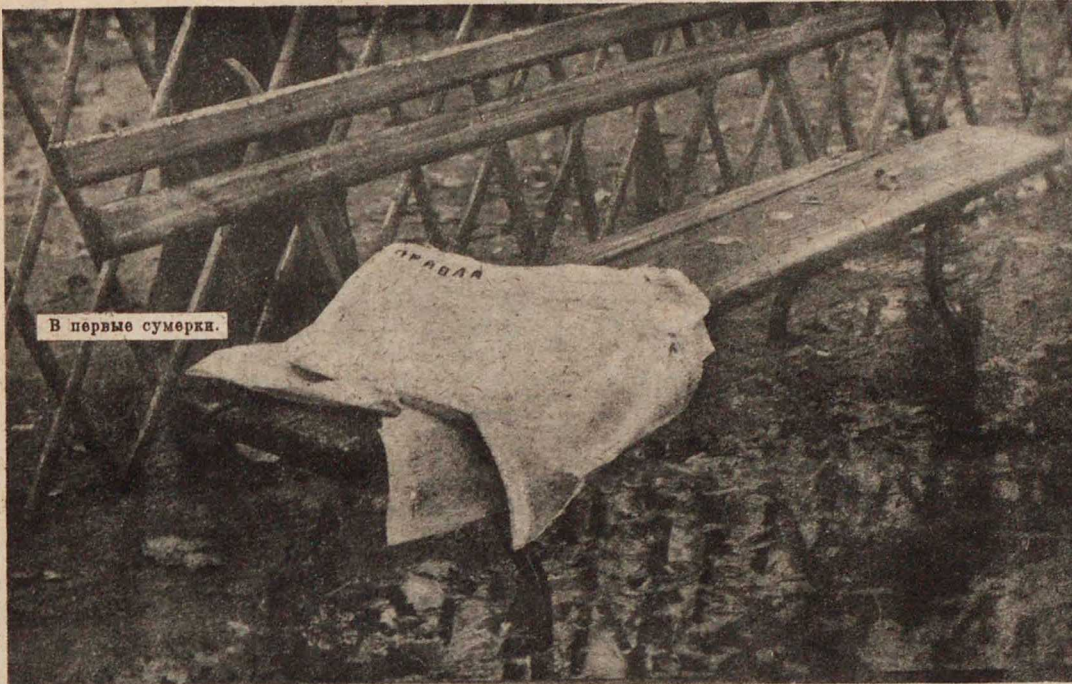
— Только Соловья-Разбойника не хватает!..

Монах сразу сживается, кажется, совсем уходит в свою ряску, совсем сливается с ней.

Еще несколько шагов — и перед нами в багряной раме осенней листвы величавый панорама студеного красавца Днепра... Старик видал виды на своем веку. В его волнах некогда топили деревянного идола, языческого бога Перуна. Теперь, через столетия, у его вод наступает закат других богов...

А. Дейч.

ПОВЕСТЬ В СНИМКАХ

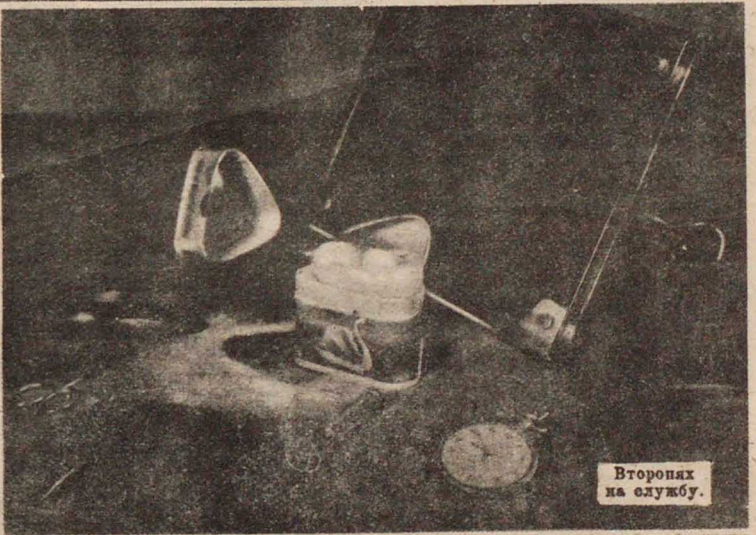
В первые сумерки.

И шляпка улы-
балась чужому
кени.

Остывал кофе.

Вторых
на службу.

Алло! Алло! Алло! Алло!

Последнее
письмо.

Снимки Е. Микулиной.

ВРЯД ЛИ СУЩЕСТВУЕТ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

место, куда не проникли бы книжки Библиотеки „ОГОНЕК“.
НЕЛЬЗЯ БЫТЬ КУЛЬТУРНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, если не читать современной русской и переводной литературы. Подавляющее большинство современных беллетристических книг не могут проникнуть в самую гущу широких трудовых масс из-за своей сравнительной дороговизны.

НА ПОМОЩЬ МАССОВОМУ ТРУДОВОМУ ЧИТАТЕЛЮ приходит „Библиотека „Огонек“.
СЕМЬ МИЛЛИОНОВ ШИРОКО РАСПРОСТРАНЕННЫХ ПО ВСЕМУ СССР БЕЛЕНЬКИХ КНИЖЕЧЕК вышли и разошлись за короткий срок существования Библиотеки „Огонек“.

В 1928 году в Библиотеке „ОГОНЕК“, в числе прочих, выйдут книжки:
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: А. Аросев, И. Бабель, А. Безыменский, В. Вересаев, Артем Веселый, Мих. Зощенко, А. Жаров, Вера Инбер, Мих. Кольцов, В. Лидин, Н. Ляшко, Мих. Пришвин, Л. Никулин, Пантелеймон Романов, Бор. Пильняк, А. Свирский, Алексей Толстой, Иосиф Уткин, Ольга Форш и друг.

ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ: Беранже, Гете (Фауст), Виктор Гюго, Кнут Гамсун, Эмиль Золя, Панаит Истрати, Уильям Локк, Поль Моран, Рабля, Жюль Роман, Рода-Рода, Бичер-Стоу, Теккерея, Анатоль Франс, Шекспир (Гамлет) и др.

ТРИ ГОДА существует „БИБЛИОТЕКА ОГОНЕК“, но миллионы читателей уже оценили и полюбили ее опрятные белые книжечки, увлекательные по содержанию и тщательно изданные.

Вешел в „Готский Альманах“. Как известно, „Готский Альманах“ называется справочник, в котором заключаются списки всех представителей королевских домов мира. Русский белогвардеец Зубков, ве-

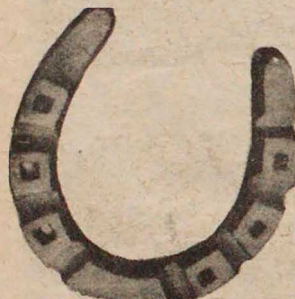
роятно, добиваясь этой чести, стал женихом 62-летней сестры кайзера Вильгельма—Виктории Гогенцоллерн. Счастливого жениху всего 23 года. На снимке: будущие молодожены принцесса Виктория и Александр Зубков.

Ошибиться невозможно. Вы сразу узнаете эту модницу, идя за ней; на ее чулках изоб-

ражен ее фотографический портрет. Поистине, нет пределов глупости человеческой...

Резиновая подкова. В транспорте Западной Европы роль лошади почти сведена к нулю. Единственные две области, где этот способ передвижения еще играет роль—это кавалерия и сельское хозяйство. Так как в Западной Европе

асфальтированы не только городские улицы, но и большая часть шоссе, то потребность в новой, нескользящей подкове для лошадей очень сильна. Такая подкова изобретена в Англии—она сделана из состава каучука, не уступающего по прочности металлу.

Стандартизация меновой монеты. Берлинская парфюмерная и косметическая фабрика выпустила особый

„штенпель для губ“, с помощью которого можно окрасить в нужный цвет одновременно

обе губы. „Быстро, экономно и хорошо!“—гласят рекламы предприимчивой фирмы.

В помощь рассеянным людям. В Лондоне установлены на улицах особые автоматы, продающие носовые платки различной величины. Практичные

англичане установили эти автоматы в помощь рассеянным горожанам, постоянно простуженным из-за туманного климата британской столицы.

Король парикмахеров. Парижский парикмахер Антуан является диктатором мировой моды в области дамских при-

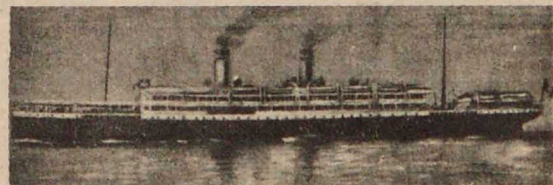

чесок. Ему принадлежит честь изобретения так называемой „буби-копф“ (стриженной головы).

Козьма Прутков — „выдуманный герой“, создание поэтической фантазии Алексея Константиновича Толстого и бр.

Гибель морского гиганта. У группы островов Аброрхес в Атлантическом океане у берега Бразилии потерпел полное крушение один из крупнейших современных пароходов Италии—„Принцесса Мафальда“.

После того, как судно налетело на подводную скалу, в трюме раздалось несколько взрывов, и пароход, спустя несколько часов затонул. Несмотря на то, что на радио-призывы (SOS)

тонущего судна подоспело четыре судна, из 950 пассажиров удалось спасти только 730 человек. Свыше 200 человек, почти исключительно междуплечных пассажиров—бедняков-эмигрантов—погибло в результате отсутствия достаточного количества спасательных средств. Эта катастрофа лишний раз подтвердила, что не тонущих судов не существует.

На снимке: погибшее судно: „Принцесса Мафальда“.

Жемчужниковых, завоевал себе почетное место в истории русской сатирической литературы. Отражая в своем образе характерные черты бюрократии дореформенной царской России, Козьма Прутков вместе с тем является вообще символом всякого скудоумия, бюрократизма и глухой заносчивости. Литературные опыты

В книжку вошли и некоторые, доселе малоизвестные произведения Козьмы Пруткова.

С. Буданцев — писатель-реалист, меткий наблюдатель, умеющий рассказывать о виденном свежо и увлекательно.

Книжка С. Буданцева „Форпост Индии“, вышедшая в Би-

Козьмы Пруткова несмотря на то, что они отделены от нас десятилетиями, вызывают и теперь веселый смех у читателей.

„Избранный Козьма Прутков“, проредактированный и снабженный вступительным очерком Мих. Лучанского, вышел в Библиотеке „Огонек“ и рассылается с этим номером.

библиотеке „Огонек“ и рассылается с этим номером журнала, изображает быт советских работников на нашем Востоке—„форпосте Индии“. Повесть С. Буданцева читается с большим интересом.

ВЗЯТИЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА. На снимке—гобелен—„Взятие Зимнего дворца“, сделанный из человеческих волос московским парикмахером Г. А. Боруховым. Эта работа над гобеленом отняла полтора года. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей приняло эту картину для выставки „Достижения СССР за 10 лет“, устраиваемой в Америке.

На снимке: слева—гобелен, справа—тов. Г. Борухов, автор гобелена.

НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

В Октябрьские дни в Москве состоялась торжественная передача военным воздушным силам РККА 30 самолетов, построенных на средства, собранные трудящимися СССР. С раннего утра на огромной территории Октябрьского поля царил необычайное оживление. Пришли московские авиационные школы в строю с оркестрами, большими группами ячеек и организации Осоавиахима, в своих красочных костюмах делегации Союзных республик. Собралось около 800 иностранных делегатов. От имени союза Осоавиахим тов. И. С. Уншлихт передал представителю РВС СССР тов. А. С. Бубнову 12 самолетов.

— В ответ на дерзкий вызов английского империализма, — сказал тов. Уншлихт, — рабочий класс Советского Союза организовал неделю обороны. На копейки рабочих и крестьян, в общей

сложности давшие миллионы рублей, Осоавиахим оказывает нашему ведомству посильную помощь.

Представитель ВЦИС тов. Евреинов передал тов. Бубнову 18 самолетов, построенных на средства профессиональных союзов.

— За 5 месяцев профессиональные союзы, — сказал тов. Евреинов, — собрали в фонд „Наш ответ Чемберлену“ до 4 миллионов руб. 18 самолетов, передаваемых нами сегодня, это только первый отряд, первый дар профсоюзов Красной армии и воздушному флоту.

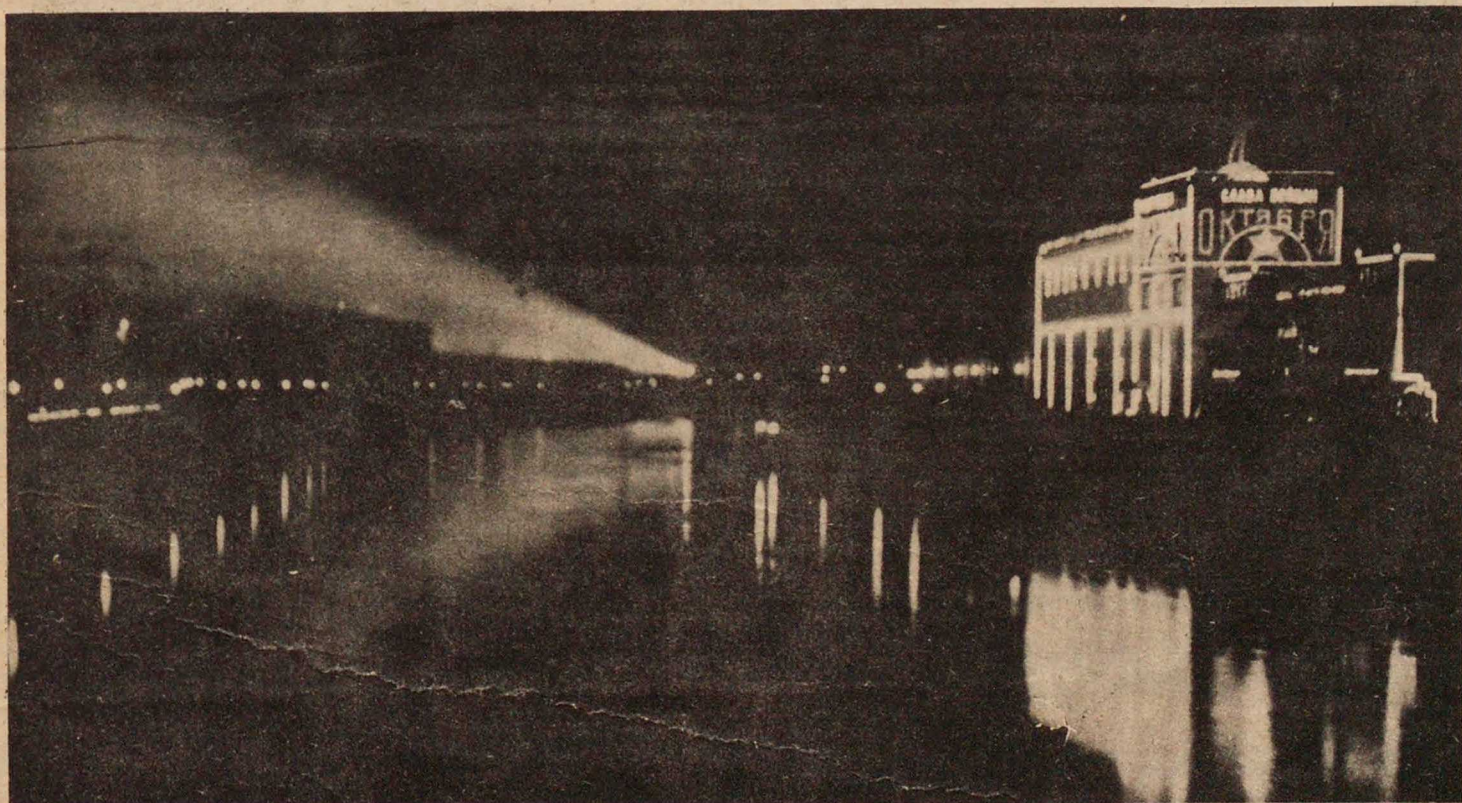
По окончании торжества передачи состоялись фигурные полеты инструкторов летных школ.

На снимках: — делегации Союзных Республик наблюдают за полетами, тов. И. С. Уншлихт беседует с батраком Туркмени, в овал — фигурный полет, изображающий Х.

Фот. С. А. Красинского.

МОСКВА В ДНИ ОКТЯБРЯ

Здание Московской Государственной электрической станции, иллюминированное в Октябрьские дни.

Фот. С. Фридлянда.

По соглашению с Госиздатом РСФСР журнал „ОГОНЕК“ начинает печатать отрывки из лучших беллетристических новинок, выходящих в Госиздате.

Редактор **МИХ. КОЛЬЦОВ**. Издатель — АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“. Непринятые редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника воспрещается. РЕДАКЦИЯ — Москва 6, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12. ГЛАВНАЯ КОНТОРА — Москва 6, Страстной бульв., 11. Телефон: 3-12 56. Отд. Распростр. — 5-51-69. 80-64. Под'отдел подписки — 1-28-19. Рекламный отд. — 35-75. Бюро многогородных объявлений — 31-75. Адрес для телеграмм: Москва „Огонек“, ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-26-09. ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 стр. — 180 р., строка непарелл — 3 руб. Сверх тарифа — 10% налога. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на „Огонек“ с одним прил. „Альбом Советского Юмора и Сатиры“ (год. и полугод. подп.) 1 м. — 40 к., 3 м. — 1 р. 20 к., 6 м. — 3 р., 1 г. — 5 р.; с двумя прил.: 1) тома „10 лет Советского строительства“ и 2) „Альбома“ (только годовым и полугодовым) 6 м. — 4 р. 50 к., 1 г. — 6 р. 50 к., с тремя прил.: 1) „Библ. Огонек“ (еженед. 2 кн.) 2) „10 лет Совет. строит.“ и 3) „Альбом“ (только годовым и полугодовым) 6 м. — 9 р. 50 к., 1 г. — 15 р. Прил. „10 лет Сов. строит.“ всем остальным подписчикам „Огонька“ — 2 р., „Альбом“ — 1 р.

ГРИМ

и гримировали, принадлежи.

ПАРИКИ

МУЖСКИЕ И ДАМСКИЕ

= ВОЛОС =

и ВОЛОСЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Емсылает налж. платежом

книжный на азии

„СЦЕНА И ЭКРАН“

Изд-ва ТЕА-КИНО ПЕЧАТЬ

Т. ебуйте пр.-кур. и каталог.

Москва 9, Тверская. 19.

Тел 3-65 44.

РАДИОБИБЛИОТЕКА

НЕОБХОДИМАЯ
ВСЕМ РАДИОЛЮБИТЕЛЯМ

1) Листов. — Справочник радио-любителя. 600 исчерпывающих вопросов и ответов по всем вопросам радио 402 стр. Ц. 1 р. 50 к. 2) Введение в радио. Ц. 60 к. 3) Как построить радиоантенну Ц. 60 к. 4) Катушки радиоприемника и как изготовить их самому. Ц. 50 к. 5) Скотт-Тэггарт. Радиодиагностика. Ц. 70 к. 6) Прием коротких волн. Ц. 50 к. 7) Как самому построить радиоприемник. Ц. 65 к. 8) Устройство радиоприема. Ц. 65 к. 9) Практика радиоприема. Ц. 75 к. 10) Утопия и действительность в радио. Ц. 50 к. Вся библиотека высылается за 6 рублей. Высланные деньги вперед за пересылку не платят. Изд-ство „АКАДЕМИЯ“, Москва, 9, Тверская 26/0.

СЛУЧАЙНАЯ ПАРТИЯ КАРАНДАШЕЙ

ЧЕРНЫХ, ПОЛИРОВАННЫХ. ХОРОШЕГО КАЧЕСТВА

Государственной фабрики

гросс 1 р. 75 к.

Высылается не менее 5 гросс. Задат. 250/100. Перес. по себестоимости. Госпосыл. торговли

„УНИВЕРПОЧТ“

МОСКВА, — центр, Москваречная ул., д. № 24/0.

КАТАЛОГИ ТОВАРОВ „УНИВЕРПОЧТ“ — 30 коп.

Новости!

ВСЕМ ПАРИКМАХЕРАМ И САМОБРЕЮЩИМ

мастика „УСПЕХ“

Заменяя оселок, точит в несколько секунд все бритвы до желаемой остроты. Ц. коробки 1 р. Магаз. скидка. Высылаю налож. платеж. Гор. Таганрог, Е. А. Роговой. Имею охранное свидетельство за № 5781, выданное комиссией по делам изобретений при ВСНХ. Получена масса благодарственных писем.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДЕЛОК.

Продажа в Москве в магазинах ГУМ, Э. Брабец: Столешников пер., 4. и „Все для парикмахера и артиста“ — Б. Лубянка, 16.

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ

на ФОРМЫ

ПЛИССЕ

ГОФРЭ

образцы и руководство

по требованию

А. ТУШНОВ.

МОСКВА, Арбат, 7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 г. (3-й год издания)

на ежемесячный домашне-хозяйственный и модный
богато иллюстрированный

„ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ“

Программа журнала попрежнему рассчитана на обслуживание всех домашне-хозяйствен. и культурных нужд современной женщины — домашней хозяйки, матери, кушарки.

В 1923 году программа журнала значительно расширяется и дополняется.

Увеличиваются отделы: „Модный“ и „Дом и хозяйство“.

К каждому номеру журнала прилагаются: 1) Выкройки, 2) Контурные листы и 3) „Детский Уголок“. ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год — 10 р., на полгода — 5 р. 50 к., на 3 мес. — 3 р. Допускается рассрочка годовой платы: при подписке — 4 р., и 1 апреля и 1 июня — по 3 р.

Годовые и полугодовые подписчики, внесшие подписную плату сразу полностью, получают

БЕСПЛАТНЫЕ ПРЕМИИ:

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ: 1) Большую научно-популярную книгу в 300 страниц, необходимую каждой женщине: „ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИНЫ“. (В отдельной продаже книга будет стоить 2 р. 50 к.).

2) 10 новых книжек БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК (новейшие художественные произведения русских и иностранных авторов).

ПОЛУГООДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ: 10 новых книжек „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК“.

Дальнейшие льготы, предоставляем. подписчикам „ЖЕНСКОГО ЖУРНАЛА“:

1. „АЛЬБОМ РУКОДЕЛИЙ“, составленный по новейшим образцам и рисункам вышивок, вязаний, плетения и пр., стоящий в отдельной продаже 2 р. 50 к., подписчики могут получить за доплату в 1 рубль.

2. „КУЛИНАРНУЮ КНИГУ“, составленную по новейшим рецептам, подписчики могут получить за доплату в 1 рубль.

3. Подписчики „Женского Журнала“ могут подписаться одновременно и на журнал „Огонек“ на 1928 год с приложением ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СОЧИНЕНИЙ ЛЬВА ТОЛСТОГО в 24-х книгах по льготной цене: вместо 13 р. 50 к. — за 12 р. 50 к. Таким образом, за годовую подписку на „Женский Журнал“, „Огонек“ и Полное Собрание Сочинений Л. Н. Толстого подписчики уплачивают всего 22 р. 50 к. (Допускается рассрочка: при подписке — 5 р., к 1 марта — 5 р., к 1 мая — 4 р. 50 к., к 1 июня и 1 сентября — по 4 р.).

Переводы адресовать:

МОСКВА 6, Страстной бульвар 11, Акционеры. Издат. О-ву „ОГОНЕК“.

Подписка принимается также во всех почтово-телеграфных предприятиях, у местных контрагентов, в отделениях центральных издательств и во всех киосках Контрагентства Печати.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И
ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

Новый выпуск модного журнала

„МОДЫ = = СЕЗОНА“

ВЫПУСК
ВТОРОЙ СЕЗОН 1928 г. ЗИМА.

Женское верхнее платье последних европейских фасонов. Платья. Блузы. Юбки. Белье. Напоя. Детские костюмы и верхнее платье. Шляпы и новейшие мелочи женского туалета.

МУЖСКАЯ СТРАНИЦА.

К ВЫПУСКУ
ПРИЛОЖЕНА **ВЫРЕЗНАЯ ВЫКРОЙКА**

РИСУНКИ — КРАСОЧНЫЕ
ОБЛОЖКА — ЦВЕТНАЯ.

ПРОДАЕТСЯ у всех газетчиков, в киосках, на станциях жел. дор. и во всех модных магазинах.

Цена отдельного номера

1 р. 50 к.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ:

Москва 6, Страстной бульв., 11.

Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“.

ВЫШЛА В СВЕТ II ИЗДАНИЕМ
И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

КУЛИНАРНАЯ КНИГА

„НАША КУХНЯ“.

Составлена применительно к современным условиям по новейшим данным в области питания. Свыше 500 рецептов кушаний, напитков, заготовок и пр. Цена 1 руб. 50 коп.

Высылается также наложенным платежом.

Требования адресовать: МОСКВА 6, Страстной бульвар, 11

Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“.

МАСТЕРСКИЕ ГЛАВНОЙ ПАЛАТЫ МЕР И ВЕСОВ

ИЗГОТОВЛЯЮТ

ТОЧНЫЕ ВЕСЫ на нагрузки от 1 гр. до 50 кг., аналитические весы всех систем, ПРЕССА для проверки монетров всех мощностей, стеклянные АРЕОМЕТРЫ, спиртомеры и др. стеклянные измерители, ВАТТМЕТРЫ и др. электроизмерители, лабораторные приборы и принимают на себя ПРОЕКТИРОВАНИЕ новых измерительных приборов для лабораторий.

ЛЕНИНГРАД, Международный

проспект 19. Телефон № 1-58-21.

Как = получить хороший негатив

(книжка 16-я „Библиотеки Советского Фото“) вышла в печать и поступила в продажу во всех газет. киосках СССР.

Цена 25 коп.

МАГАЗИН „ПИОНЕР“ МАГАЗИН

Изд. ЦК РЛКСМ
„Молодая Гвардия“
Москва, Тверская, 37.

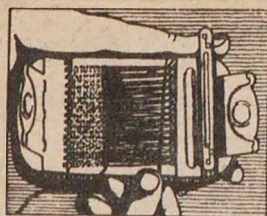
К ЗИМНЕМУ СПОРТУ - СЕЗОНУ

В огромном выборе: лыжи, коньки, английский спорт, норвежск. и другие Шерстяной трикотаж высшего качества английской шерсти. Свитеры, шарфы, пледы, шапки, рейтузы.

Палатки (раб. санит. леон. и япон.).

Поля, катал. выс. за 8 к. марку.

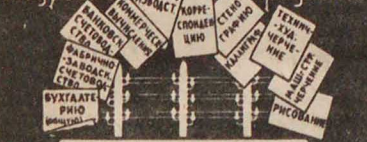
НЕОБХОДИМ в каждой семье ШТОПАЛЬНЫЙ ПРИБОР ШТОПАЕТ

всякие ткани: чулки, носки, свитерти, вязаные и полотно, изделия ШТОПАЕТ всевозможной пряжей: чулочной, шерстью, пухом и шелком, ШТОПКА получается машинная, быстрая, гладкая, и ровная. Цена прибора с руководством 2 р. 75 к. При заказе 50% задатка можно марками.

МОСКВА, центр, Сухарева, Афанасьевский пер. д. 16/18/0. П. ЗАГОРЕЛИНУ.

Спец. ВОЛОС (выпадение, перхоть и пр.), УГРЕЙ, пятна и др. космет. лечен. недостатков кожи. Эд.-светочек. Горн. Солнц. д-р М. КАТЦЕН. Тверская, д. 62, кв. 3.

Вы можете извлечь у себя дома в любое время не отрываясь от вашей повседневной работы, следующие предметы:

1917 „ПОЛИГЛОТ“ 1927

ЗАОЧНЫЕ Промыш.-эконом. и художеств.-тех. нические курсы „ПОЛИГЛОТ“

По окончании курса учащиеся подвергаются испытанию в оц. квалификац. комиссии и получают соответствующее свидетельство.

ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО ПРОСПЕКТ И УСЛОВИЯ

Адрес: РОСТОВ н/ДОНУ

Плата помещаючно от 1 до 3 рублей.

НОВЫЕ КНИГИ

— ПО РЕМЕСЛАМ — И ПРОИЗВОДСТВАМ:

Адам Ф. инж. МОНТЕР ПО ОТОПЛЕНИЮ. Справочная книжка для установок и контроля отопительных устройств. Ц. 1 р. Ирессбергер, К. Литейное дело. Ц. 70 к. Григорьев, Н. архит. Меларное дело. Ц. 1 р. ГОФМАН. Токарь по дереву и металлу. 1 р. 50 к. Образцов. Как варить мыло. 70 к. Песочный. Столярное ремесло. 3 руб. 50 коп. Его же. Обработка дерева. 3 р. 50 к. Порецкий. Кулинария в работе и в ней. 50 к. Самойлов. Мухомольное производство. 1 р. Его же. Масложировое производство. 60 к. Быковский. Колбасное дело. 40 к. Лялин. Винокурное производство. 1 р. 50 к. Его же. Жир и масла. 1 р. 50 к. Полевский. Домашнее приготовление плодовых и ягодных вин. 1 р. 50 к. КАЧМАРЕК. Штамповальное производство. 2 р. 50 к. ПОКРАНД. Горячая штамповка и изгот. штампов. 3 р. 50 к.

Заказы адресовать:

Московскому Акционерному Издательскому Обществу.

Москва 6, Малая Дмитровка, 8/в. Заказы исполняются наложенным платежом без задатка, с добавлением стоимости пересылки.

НОВЫЕ КНИГИ:

Леппергофф. Плетение. Цена 4 руб. Вагнер. СПРАВОЧНИК КОЖЕВНИКА. Ц. 3 р. 25 к. Зазерский. Отопление и вентиляция. Ц. 3 р. Бергман. Хромоное дубление. Ц. 4 р. 50 к. Евдокимов-Романовский. Организация строительных работ. Ц. 5 р. Прейс. Постройки сельскохозяйств. значен. Ц. 4 р. 25 к. Гоффман. Холодильные машины. Ц. 4 р. 50 к. Савин. Допуски в машиностроении. Ц. 3 р. 25 к. НУТТЕ-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ. Справочная книга для производственников В 3-х выпусках. Ц. 18 р. НУТТЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ. Справочная книга для металлургов. Ц. в перепл. 16 р. Вильсон. Химия кожевенного производства. Ц. 4 р. 50 к. Кройлер. Обработка кожи. Ц. 1 р. 75 к. Бергман. Выделка подошвенной кожи. Ц. 3 р. Бергман. Кожевенное производство. Выделка мягких сортов красной дуб. кожи. Ц. 2 р.

Книги высылаются нал. плат. Пересылка по себестоимости.

Деньги и заказы направлять: МОСКВА, 6,

Моск. Акц. Издательск. О-во

Мал. Дмитровка, № 8/в.

Каталоги и проспекты БЕСПЛАТНО.

ВЫСЫЛАЕМ ПОЧТОЙ

КЛУБНЫЕ ИГРЫ

ШАХМАТЫ — 1.50, 2.50, 3.75, 5, 7 и 10 руб. Доски шахматные — 2.50, 3 и 5 р. ШАШКИ — 45 к. и 60 к. Доски картон. — 45 к. шт. ДОМИНО — 1.20, 1.50, 2.50 и 3.75. ЛОТО — 2.50, 4 и 7 р.

СПОРТ

Лыжи — 15, 16, 18 и 20 р. Палки — 2.50, (лыжи отпр. багажом) Пьесы — 12 р. Коньки „Англ. Спорт“ — 12.50, коньки (типа) Норвежск. ботинк. 32 р. Обувь для конькобежц. Зимний трикотаж. Хокей.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Самовары никелированные, банкой — 25, 30, 35 р. шт., рюмкой — 30, 35, 40 р. шт. Примус — 8.50. Керосиновая кухня (типа Герц с двумя фитилями) — 13.50 штука. Портфели кожаные от 12—30 р. Бритвы заграничные 12, 15 и 20 р. Бритвы безопасные — 5, 6.50 и дорожные. Бритвенные приборы (никелевые) 5 и 7.50.

ЧАСЫ ХОДИКИ 5.50, 6.

РАДИО

Стандартные посылки (радиоприемник с монтаж. материалом) 35, 40, 60 и 65 р. Задаток 25%, остальное наложенным платежом.

Иллюстрированный прие-курнт: музыка, спорт, фотографии, нац. принадлежности, карманные часы, хозяйственный отдел, радио, кра-син для материи, кожаные ту-журки и пр. высылают 32 во-м-копеечные марки. Москва, Гл. Почтамт, ящ. 1031. ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧНОЕ БЮРО

БИБЛИОТЕКА

БУХГАЛТЕРА И СЧЕТОВОДА

является общепризнанным, лучшим курсом для самостоятельного, без помощи учителя, изучения всех отраслей счетоводных наук.

Б-КА СОСТОИТ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ 12 КНИГ, СОСТАВЛЕННЫХ ВИДНЕЙШИМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ:

Проф. Галаган — Общее счетоводство; его же — Торговое сч.-ство; проф. Луи-оний — Коммерческ. вычисления (две кн.); проф. Филимонов — Промышлен-ное сч.-ство; проф. Мипарисов — Сч.-ство акц. о-в; проф. Геротьер — Руководство к изучению баланса; проф. Шу — Сч.-ство по карточной системе; проф. Дитягин — Сельскохозяй-ное сч.-ство; Исаакин — Сч.-ство с.х. и кред. т-в; Иосиф — Сч.-ство потреб. о-в; Тиль — Банковское сч.-ство.

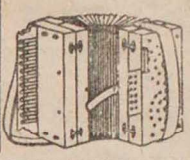
КАЖДАЯ КНИГА В ПЕРЕКЛЕТ. ВСЕ КНИГИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ СТОИ-мость 12 книг 18 РУБЛЕЙ.

Желающие могут приобрести би-блиотеку в рассрочку: при подписке присылается 3 рубля, после чего ежемесячно будет высылаться по две книги в одной посылке с налож. плат. на 3 р. (с добавл. стоимости пересылки); последние две книги будут посланы без налож. плат.

При том же задатке в 3 р. желаю-щим может высылаться ежемесячно по одной книге с налож. платеж. на 1 р. 50 к. (с добавл. перес.).

Подписку и деньги адресовать: Москва, улица Герцена, д. 22/3 Книжное Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

ПРОИЗВОДСТВО АРМОНИЙ: венские 2-х и 3-рядные; БАЯНЫ.

Имеется также все материалы и принадле-жности для гармоний. Цены вне конкуренции. За качеством поли. гарантии. Запросы и заказы направлять по адресу: Тула, М. Х. ХРИШНОВУ, ул. Завоевца, 35/1. Прейс-курнт высылается за две 8-коп. марки вложенные в конверт.

Радио-Производ. „АУДИОН“

Предлагает всевозмож. приемники овой сборки. Ремонт, наладочные репродукторы и трубок. Уста-новки громкоговорителей в Москве и провинции. Проверка и ремонт по вызову. Прием заказов по всевозмож-ным схемам. Большой выбор деталей и Шапошниковских катушек. Цены вне конкуренции. Оптвым покупа-телям особые условия. МОСКВА, Центр, Мясницкая ул. 10. Телеф. 2-63-60.

Подарок модаым хозяйкам

ДЕШЕВЫЙ СТОЛ

Кулинарная книга, свыше 300 мяс-ных и вегетарианских блюд, с приложением МЕНЮ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ. Цена с пересылкой 95 к., налож. плат. 1 р. 10 к. Заказы направлять: Москва Центр, почтовый ящик 794 ЗЛЫШЕВУ.

ИСПЫТАННЫЕ СРЕДСТВА ЛАБОРАТОРИИ КООП. Т-ВА „ЭЛЕМ“

МОСКВА. МАЛ. ДМИТРОВКА 17

Единственно настоящий ДЕПИЛЯТОРИЙ W. M. — по-рошок для уничтожения волос, где того требуют красота и гигиена тела. Продажа в вековых короб-ках. Ц. 1 р. 75 к., 3 р. 50 к. и 6 р. 50 к. Рост воз-мо замедляется. РОССЕТОРИЙ ВОССТАНОВИТЕЛЬ посевших волос, фл. 2 р. 75 к. КРЕМ ДЛЯ БРИТЬЯ „ELEM EUXIS“ без воды, без мыла, без кисточки, экономия времени, туба 1 р. 25 к. Высыл. только по получении 25% стоимости. Продажа в аптеках, мага-зинах санитарии и гигиены.

СПУТНИК ТРУДОВОГО ОХОТНИКА

Рахманин и Мерцелли. 315 стр. 1 р.

НАБИВКА ЧУЧЕЛ

птиц и зверей. Руководство к на-бивке и собиранно зоологических коллекций.

Залесский. С 69 рис. 5 табл. 95 к.

СЪЕМКА И ПУШНЫХ ШКУРОК

руководство с описанием съемки с разных зверей. С 113 рисунками. Федосеев — 1 р.

ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ

ловля, содержание в неволе. Святский. 247 стр. 33 рис. 1 р.

Высылает наложенным плате-жом без задатка.

„Сотрудник провинции“

МОСКВА 9, ул. Огарева, 3/0.

НЕ ИЗУЧАЙТЕ БУХГАЛТЕРИИ

двойной, итальянск., американ-ской раньше, чем не получите достаточной подготовки к по-ниманию этих наук. Начи-тайте с прохождения курса Д. А. Писарева „ОТ ПРО-СТОГО И ДВОЙНОМУ СЧЕТОВОД-СТВУ“. За 2 месяца самостоя-тельно, занятий вы вполне на-учитесь ведению бухгалтер-ских книг по упрощенной системе и получите практиче-ский навык и подготовку к двойному счетоводству. Курс изложен просто и ясно, со многими упражнениями и задачами. Вышло из печати 2-е издание, с прилож. КУРСА

ВЫЧИСЛЕНИЕ НА СЧЕТАХ.

Цена всего курса (256 стр.) 2 р. 50 к. Высыл. по получении денег или налож. платежом на 2 р. 80 к. Адрес: Ленинград, 28, Кироч-ная, 2. Д. А. Писаревскому.

ИЗБАВИТЬСЯ!! НАВСЕГДА

от мозолей, бородавок и пота

МОЖЕТ КАЖДАЯ ТОЛЬКО „ПРОДУКТАМИ Л. ГЛИКА“

№ 2 „Эксоль“ уничтожает мозоли и боро-давки с корнем и безвозвратно . . . Р. 2. — к.

„ 4 „Javol“ — радикал. средство от пота Р. 1. 90 к.

1 „Клопин“ — уничтожает клонов в 15 мин. Р. 1. 75 к.

„Клопин“ — тройной размер Р. 8. 50 к.

№ 6 „Тараканон“ — истребляет тараканов в сутки . . . Р. 2. — к.

„Тараканон“ — двойной размер. Р. 3. — к.

„ 5 „Крысомор“ — радикально истребляет крыс и мышей Р. 2. 50 к.

„ 7 „Антипаразит“ — идеальн. средство от вшей и блох Р. 1. 50 к.

Цены указаны с упаковкой и пересылкой. Качество продукт. гаран-тировано. Заказы высылаются немедленно по получении их стоимости. Адрес: Москва, Мясницкая, Кривоколенный пер., 1. И. ТОЛЬЦ.

ШРИФТЫ

АЛЬБОМ Д. А. ПИСАРЕВСКОГО, ПОД РЕДАКЦИЕЙ АНАД.-АРХИТ. И. А. ФОМИНА, ПРИ УЧАСТИИ 32-х ЛЕНИНГР. ХУДОЖН.-ГРАФИКОВ. Альбом содержит 95 таблиц шрифтов, из них 56 заняты алфави-тами от А до Я (многие в красках), подробные описания постро-ения каждого из шрифтов, методы их применения в разных областях. Типографических шрифтов в альбоме не имеется. Каждый из шрифтов — оригинальное произведение одного из художников (Чехонина, Велухи, Левитского, Кириарского, Хлянского, Ко-напевича, Литвиненко, Лялина и т. д. Альбом предназначен для инженеров, чертежников, топографов, архитекторов, живо-писцев, плакатистов, каллиграфов и т. п. Каждый найдет в нем высоко-художеств. образцы для своих работ. Альбом выпущен двумя изданиями: 1) на александ. бумаге, в худож. переплете — цена 7 р. 50 к., 2) на хорош. белой бумаге, в худож. обложке — цена 4 р. 50 к. Присылаются деньги вперед за перес. не платят. Высылаются также наложени. платежом с добавл. пересылки. Адресовать автору: Ленинград, Кирочная ул., № 2—10. Д. А. ПИСАРЕВСКОМУ.

В ПАКЕТАХ,
ЧЕРНЫЕ,
ФИОЛЕТОВЫЕ,
СИНИЕ,
ЗЕЛЕННЫЕ,
КРАСНЫЕ,
каждый пакет на 1/4 фунта
крепких чернил.

Цена 2 р. 30 к. за 100 пакетов.

ИНОГОРОДНИМ ОТПРАВКА ПОЧТОЙ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ.
Производство „АМПИР“

МОСКВА Центр, Телеграфный пер., № 10/5.
При заказах от 500 пакетов любого цвета ПЕРЕСЫЛКА
за наш счет, требуйте БЕСПЛАТНО образцы.

МУЗЫК

АЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
ДЕШЕВЛЕ ВСЕХ.
НОТЫ большой выбор последние
новинки

АТАЛОГИ БЕСПЛАТНО.

Имеются в большом выборе гитары и мандолины, обгравные,
лучших русских и зарубежных мастеров.
МОСКВА, Б. Дмитровка 16, муз. магазин СТАКЛИНСКОГО.

СТЕНОГРАФИЯ для ВСЕХ

Руков. для самообучения Н. И. Соко-
лова, 2-е изд. Ц. 2 р. 40 к., нал. плат.
2 р. 75 к. Руков. поправ. почерка
М. Я. Наумова, 210 упражн. с прил.
транспарантов. Ц. 1 р. 50 к., нал.
плат. 1 р. 80 к. МОСКВА, Н. Бауман-
ская, д. 6, кв. 1. ПАРШИН, М. А.

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую как новую, так и старую,

высылает налож. платеж. в 3-дневн.
срок. Отдел почтовых Отправлений
книжного магазина ВЦСПС.
МОСКВА, Кузнецкий Мост 14.

ПУДРА „АНГО“

ТОНКА НЕЖНА и ХОРОШО ПРИСТАЕТ
НЕ УСТУПАЕТ
ЛУЧШИМ ЗАГРЯНЫМ МАРКАМ

КРЕМ „АНГО“

ПРОТИВ ЗАГАРА и ВЕСНУШЕК
ПРИДАЕТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНУЮ БЕЛИЗНУ КОЖЕ
ТРЕБУЕТСЯ ВЕЗДЕ

МОСКВА 4, МОСКОВСКИМ ИНТЕРНАЦ. 2

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распространную по
технике, медицине, сельскохозяй-
ственным и др. вопросам.

УЧЕБНИКИ для ВСЕХ УЧЕБ.
ЗАВЕДЕНИЙ

Высыл. немедл. валожен. платеж.
каталог по техн., математ., химии,
счетоводству и др. БЕСПЛАТНО.

КНИЖНАЯ
ТОРГОВЛЯ А. Г. Алексеева.
Москва, Центральный рын. № 767/0.

ПРОИЗВОДСТВО
НАРОДНЫХ
МУЗЫКАЛЬНЫХ
ИНСТРУМЕНТОВ
Виноградова
Москва, Центр, Бол.
Суваревск. пл. д. 9/4.
ВЕНСКИЕ гармонии.
БАЙНЫ и ПОЛУБАЙНЫ. ЦЕНЫ
— ДЕШЕВЛЕ ВСЕХ

Прей-куррант высылается за две 8 к.
марк. Письма и заказы направляйте:
Москва, почтамп. ищ. № 739

РАЗБОРНЫЕ МОДЕЛИ

- 1) Двигатель 3-х фазного тока под редакц. проф.
А. Радциг. Цена с пер. 2 р. 80 к.
- 2) Паровая машина дв. расшир. под редакц. проф.
А. Радциг. Цена с пер. 2 р. 80 к.
- 3) Двигатель внутр. сгор. (Дизель) под ред. проф.
Д. Дьякова. Цена с пер. 3 р. 80 к.
- 4) Паровая турбина под ред. проф. Дьякова.
Цена с пер. 3 р. 80 к.

Модели воспроизводят в 7 красках полную конструкцию машины,
сопровождаются общедоступным описанием и дают возможность
разобрать и осматривать все части машины. Размер модели 24x84 см.
Высыл. наложени. платеж. Заказы направляйте: Ленинград,
Театральная пл., 2/32. Инж. Я. Ф. АЛТШУЛЕРУ.

СЕРЬГИ
послед. моды Парижа се-
ребр. с жемч.
кок. высылка
налож. плат.
по 3 р. за 1
пару на выбор.
Купи в ший
5 пар — 25%
скидка. Ленин-
град, пр. На-
химова 15, кварт. 29,
Л. Штейн.

ФОТО-ПОРТРЕТ

увеличение с любой карточки в пас-
парту и БАГЕТНОЙ РАМЕ
10x12 вертик. — 5 руб., 12x14 — 8 руб.
НА БРОШКАХ и БУЛАВКАХ **ФОТО-ЭМАЛЬ**
Квадр. овалы и кругл. формы от 1-5 см.
Больш. 3 р., средн. 2 р., мал. 1 р. 50 к.
Карточки высылать без задатка (воз-
вращу в целооти). Москва 21, Ла-
шин пер. д. № 5/7. Б. Шиняномов,
ПРИ 3-х ЗАКАЗАХ — 4-й БЕСПЛАТНО.

НЕОБХОДИМОЕ
ПОСОБИЕ
= КАК =

ГОТОВИТЬСЯ
К ДОКЛАДУ

новая книга
А. А. ПЕТРОВА
ИЗДАНИЕ
Госиздата РСФСР

Цена 55 коп.

Москва Центр, госиздат

„Книга Почтой“

ВЫСЫЛАЕТ НЕМЕД-

ЛЕННО по ПОЛУЧЕ-

НИИ ЗАКАЗА.

ЧЕРЧЕНИЮ легко выучиться

по доущ. ГУС и
реком. МОНО пособиям А. Д. ДЕМНИНА
Требуйте во всех книжн. маг. и от ав-
тора список их. МОСКВА (Ц-нтр).
Покровка 50/4.

ПОЛЬЗУЯСЬ
СЛУЧАЕМ,

ВЫ

МОЖЕТЕ ИМЕТЬ:

Чехова А. П. Полное собр.
соч., 23 т. в пер., за 8 руб.

Чернышевского, Н. Г.
Полн. собр. соч., 11 т. б/пер.,
за 6 руб.

Лермонтова, М. Ю. Полн.
собр. соч., 2 т. в перепл.,
за 3 р. 50 к.

Словарь иностранных
слов. Полную настольную
книгу каждого грамотного,
за 2 р. 50 к.

Литературную энцикло-
педию. Настоящ. книга
педагога, литератора, уче-
ного и др. 2 тома в пер.,
за 4 р. 50 к.

Книгу матери. Настоящ.
книга матерям, помогающая
вырастить здорового ребен-
ка и сохранить свое здо-
ровье, с 160 рис., за 2 р. 50 к.

Новейшую школу крой-
ки и шитья. Простейший
способ научиться кроить и
шить по новой системе. Рис.
и чертежи за 2 р. 75 к.

ВЫСЫЛАЕТ НАЛОЖЕ-
НЫМ ПЛАТЕЖОМ (при
заказе в 25% стоимости
предпочт. почтов. марками)

Книжный магазин
КНИГОСОЮЗА

МОСКВА, центр,
Моховая, 20/0.

ВСЕ КНИГИ ВСЕХ ИЗДАТЕЛЬСТВ. НОВЫЕ, РЕД-
КИЕ, РАСПРОДАНИ, по ВСЕМ вопросам,
(сез.-хоз., медицина, техника, беллетристика и др.).

УЧЕБНИКИ для всех учебных заведений.
Библиотечки — о обороне (военные), сел.-хозяйственные,
и детские по возрастам от 5 л., от 5 до
7 и от 7 до 10 лет: ценю и 3, 5, 10, 15 и 20 руб.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЛУБКИ и КРАСОЧН. ПЛАКАТЫ.
Высылает немедленно наложенным платежом

МОСКВА, Центр, НИКОЛЬСКАЯ, 12,
ИЗДАТ. ЧАСТЬ МОСКУБШЕФСОВЕТА.

ВСЕ книги

высл. нал. плат.
до 10 р. без задат.

Цены без пересылки и упаковки.

ПОЛНЫЕ СОБРАН. ПРОИЗВЕДЕН.

РУССК. и ИНОСТР. ПИСАТЕЛЕЙ

ВРЕМЕННО

по удешевленным ценам:

Мережковский в перепл. 27 р. Ми-
хельсон, М. И. Русск. мысль и речь,
опыт русск. фразеологии, в перепл.
2 т. 8 р. Некрасов — 2 т. в перепл.
7 р. Писарев — 6 т. и 7 допощ. в
перепл. 9 р. Прутков Музыка в 1 т.
8 р. Пушкин в изд. Просвещение
2 т. 15 р. Его же в изд. Суворова
8 т. 20 р. Его же в изд. Брокгауза
6 т. в роскошн. полукож. перепл.
38 р. Ренан — 12 т. в перепл. 12 р.
Рылеев, Н. Ф. — сочинен. и пере-
писка, изд. 2-ое его дочер. 1874 г.
в перепл. 1 р. 50 к. Ростан — 5 кн.
1 р. в перепл. 1 р. 40 к. Салтыков-
Щадрин — 40 кн. 6 р., в перепл. 9 р.
Самойлов-Самуил — 6 т. в перепл. 9 р.
Серванте (Дон-Кихот) 10 кн. 2 р.
в перепл. 3 р. Теккерей — 12 т. в
перепл. 10 р. Толстой Алексей — 12
кн. в 4 перепл. 6 р. Толстой, Лев —
в изд. Сытина в перепл. 30 р. в
изд. перепл. 40 р. Его же — в ро-
скошн. зол. тисн. перепл. на вел-
ен. бум. со множ. цветн. хром.
на отдельн. лист. и рис. в тексте
изд. Сытина, 10 т. 55 р. Тургенев —
12 т. в перепл. 12 р. Тютчев — 3 кн.
75 к. в перепл. 1 р. Уайльд, О. —
8 кн. 2 р. в перепл. 3 р. Успенский,
Глеб — 28 кн. 3 р. в перепл. 6 р.
Фет — 6 кн. 80 к. в перепл. 1 р. 80 к.
Чернышевский — 11 т. 10 р. в перепл.
16 р. Чехов — 23 т. 7 р. в перепл.
15 р. Шелли — в перепл. К. Вальмон-
та — в 8 т. 7 р. Шенюппер — в изд.
Герберга 7 р. Его же — изд. Брок-
гауза в роскошн. полукож. перепл.
5 т. 18 р. Фоминский — изд. Маркса
в перепл. 1 р. 50 к. Якубович, М.
(Мельник, Л.) — 3 т. в перепл.
2 р. 50 к.

Продолжения распродажи по уде-
шенным ценам классиков смо-
трите в предыдущих и последую-
щих номерах „Огонька“. При зака-
зе обязательно сослаться на него.

названный каталог книг
высылает за 30 к. марк.
при заказе БЕСПЛАТНО

Заказы и деньги направляйте:
ЛЕНИНГРАД, Пр. Володарского, 59/у.

„НАУКА и ЗНАНИЕ“.

ВОЛОСО ЛЕЧЕНИЕ

(выпад. перх., зуд)
Д-р А. И. Соколов
Ленинград, пр. 25 Октября, 54.

САМОУЧИТЕЛИ

ГАРМОНИИ БАЯНА

для венск. гармоний — мал.
трудности 1 р. 85 к., б. труд-
ности 3 р. Для БАЯНА — малой
трудности 3 р. 85 к., б. труд-
ности 10 р. Лясы и альбомы
на разную цену.

Заказы адресовать:
Автору М. Н. ГЕРАСИМОВУ.

МОСКВА 10 ДОМИНОВСКАЯ 6

ПРОСПЕКТЫ
ВЫСЫЛАЮТСЯ
ПРОИЗВОДСТВО
ПОЧИНКА

ЗА ОДНУ 8
КОП. МАРКУ
ГАРМОНИИ
БАЯНОВ

„БЫСТРО-СЧЕТ“

мокуство производить в уме
вычисления о быстротою
мысли. Составил француз-
ский проф. Л. Ришар. Цена
с перес. 1 р. 50 к. Адрес:
Москва, ул. Герцена, 22/3.
Книжн. Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

ПИСАТЬ и ГОВОРИТЬ

ПРАВИЛЬНО по-РУССКИ
будете, если приобретете „Мо-
вый орфографический словарь“
содержащий 100.000 слов, со-
мнительных в правописании.
Высыл. за 3 р. 25 к. Адрес:
Москва, ул. Герцена, 22/3.
Книжн. Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

Единствен. по своей легкости
общий циферн. самоучит.

для ГИТАРЫ

МАНДОЛИНЫ
и БАЛАЛАЙКИ
с новыми песнями, романсами
и проч. высыл. за 2 р. 85 к.

для ГАРМОНИИ

(духр.) такой же самоуч.
с 30 музык. зап. высл. за
2 р. 85 к.

Москва, ул. Герцена, 22/3.
Книжн. Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗ.

не следует изучать по устаре-
лым методам. Лучшим при-
знам новый метод Мертнера,
не требующий заучивания
слов и правил. Немецкий са-
моучитель, в 10 выпусках, в
обработке Б. Шмидова, доп.
Гос. Уч. Советом, высыл. за
2 р. 85 к. Такой же Англий-
ский самоучитель в 60 лек-
циях высыл. за 3 р. 15 к.
МОСКВА, ул. Герцена, 22/3.
Книжн. Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

ВЫПИСЫВАЙТЕ БЕЗ РИСКА

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ЦЕНЫ и КАЧЕСТВО ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ

Балалайки
5.50, 7.25, 9.30
и 12 р.

Гитары
15.50, 19, 22.50
26.50 и 30 р.

Мандолины
15, 19, 22, 25 р.

ГАРМОНИИ
32, 50, 60, 75,
85 и дороже.

ТРЕБУЕТСЯ СМЕТЫ
НА СТРУННЫЕ
ОРКЕСТРЫ.

Треб. за две 8-и.
марки, влож. в кон-
верт, пошл. налож-
н. стр.-кур. о бес-
платн. прил. „Истор.
муз. инстр.,
их прошлое и совр.
значен.“, пр. доц.
С. Чеснокова и
стен. табель-на-
глядарь.

БЮРО ПОЧТО-ПОСЫЛКА МОСКВА ПОКРОВКА 16/3 ПОЧТ. ЯЩ. 994

КАРМАННАЯ ДОРОЖНАЯ АПТЕЧКА

ГОСМЕДТОРГПРОМ
ХИМФАРМЗАВОД
Н.А. СЕМАШКО
МОСКВА

ДОМАШНИЕ и КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

и другие наборы высылаются непосредственно с ЗАВОДА. Серия „А“ Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка в изысканном футляре—21 предмет.

„Б“ 2 р. — Домашняя аптечка—21 предмет. Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—24 предм.

„В“ 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—31 предм.

„Ж“ — 50 к. Спортивно-карманная аптечка—8 пр. (высылается не менее 3 шт.)

„Д“ 3 р. 50 к. Парфюмерно-косм. посыл.—11 пр.

„З“ 4 р. — Парфюмерно-косм. посыл.—13 пр.

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию. Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку надлежащим платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ пишется на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перев.) пересылка бесплатно. При наложен. платеже пересылка за счет заказчика.

Прейс-курант высылается **БЕСПЛАТНО**.

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылок № 7.

ODENTINE „TÉGÉ“

PÂTE DENTIFRICE
POUR LA CONSERVATION
ET LA BLANCHEUR DES DENTS

„TÉGÉ“
ЗУБНАЯ ПАСТА „ОДЕНТИН“
СРЕДСТВО ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ БЕЛИЗНЫ ЗУБОВ
ГОС. ФАБРИКИ ВЫСШЕЙ ПАРФЮМЕРИИ
„ТЭЖЭ“
МОСКВА

НОВАЯ КНИГА ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК

самоучит. всех ремесел в одной книге плотн., столяри, токари, бочари, перья, кузнецы, слесари, паяние, лужение, никелирование, овчин, мылов., веревочные, крахмал., зеркала, обуви., гошари, печи, напери, штукатурки, наготов., радиоприменков. 148 рис.

Цена с пересылкой 3 р. 50 к. Можно посылать мелкими почтов. марками.

Книжный склад „НИКОДЕД“
Москва, 19.
ул. Герцена 22/п.

ПРОИЗВОДСТВО МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ГОЛОВИНА

ВЕНСКИЕ 2-х и 3-х рядные
хроматич. **БАВН**
гармони и ПОЛУБАВН, ГИ-ТАРЫ, МАНДОЛИНЫ,
БАЛАЛАЙКИ. Требуется преис-кур. за две 8 коп. марки, влож. в конверт.
Москва, Арбат, д. 55/0.

Биллиардный мастер А.К. ФАЛИН
Ленинград, Чернышев., 20. Т. 169-30

РОМАНЫ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

М. Леблан. — Хрустальная пробка (похож. Арсен-Люпен). Ц. 1 р. 75 к.
Б. Шоу. — Карьера боксера. Ц. 1 р. 40 к.
Р. Хаггард. — Бенита. . . Ц. 1 р. 35 к.

Высыл. нал. платом. немедленно.

Заказы адрес. Москва, Центр, Политехнич. музей, п. 118/0

„Искусство и Знание“

СЕНСАЦИОННАЯ НОВОСТЬ!!! РАДИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ОТ ПОТА НОГ

МИНЕРАЛЬНЫЕ СТЕЛКИ ДЛЯ ОБУВИ

ИДЕАЛ
ИОМАР
з.в. №1262 под изв. ВСНХ

ПРЕДОХРАНЯЮТ НОГИ ОТ ПОТА, ПРЕНИИ И ЗАМЕРЗАНИЯ; ПРЕДОХРАНЯЮТ НОСИ, ЧУЛКИ И ОБУВЬ ОТ ПОРАЧИ; ПРЕДОХРАНЯЮТ СТУПНИ ОТ МОЗОЛЕЙ.

ЦЕНА 80 КОП. ПАРА. высылаются нал. платежом. При заказе укажите РАЗМЕР ОБУВИ.

ПРОИЗВОДСТВО: ЛЕНИНГРАД, УЛ. МАРАТА, 37
И.М. МАРКИТАНТ.
При высылке денег (или марки) ПЕРЕСЫЛКА БЕСПЛАТНО.

ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ
во все провинциальные газеты СССР.

Бюро Инородных Объявлений
Анц Изд. О ва „ОГОНЕК“
Москва 6, Страстной 11.
Тел. 35-75.

КАЖДЫЙ ПОЛУЧИТ МНОГО ИНТЕРЕСНЫХ НЕОБХОДИМЫХ СВЕДЕНИЙ, ВЫПИСАВ СЕРИЮ

ПОЛОВОЙ ВОПРОС И НАШЕ ЗДОРОВЬЕ

в общедоступных очерках о иллюстрациями, составленную врачами-специалистами.

1) Аборт и меры его предупреждения. 2) Проституция и новый быт. 3) Половая гигиена женщ. 4) Малокровие и его лечение. 5) Как сохранить здоровье. 6) Головные боли и их причины. 7) Здоровое и больное сердце. 8) Ревматизм, его причины и предупрежд. 9) Истерия и ее лечение. 10) Отчего и чем болеют женщины. 11) Первая помощь до прихода врача. 12) Четыре стадии сифилиса. 13) Болезни волос и их лечение. 14) Здоровая и больная кожа. 15) Умственное переутомление. 16) Уход за больными. 17) Морские купания, солнечные и морские ванны. 18) Что должна знать беременная. 19) Половое воспитание детей. 20) Бесплодие и его лечение. 21) Запоры и их предупреждение.

Все 21 нн. высылаются по получении 4 р. 25 к., 10 кн. (по выбору заказчика) высылаются по получении 2 р. 35 к.

Заказы и деньги направлять: ОДЕССА, ул. Ласалли, 26, Изд-ву „СВЕТЛОЧ“.

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распродан. по технике, медицине, сел.-хоз. и др. вопросам

высылает немедленно нал. нл. Книжн. маг. „НАУКА И ЖИЗНЬ“
МОСКВА 19, Воздвиженка, 4/0 (фирма сущ. с 1905 года).

ВЕЧЕРА ИГР И РАЗВЛЕЧЕНИЙ сборн. с рис. фокусы, танцы и всевозм. игры.—А. Зелено и др. 310 стр. ц. 1 р. 80 к.

Фокусы и научные развлечения в клубной работе—А. Маюлов ц. 85 к.

Фокусы основные на ловкости рук—Комарова ц. 85 к.

Головоломки — с 57 рис. Его же 32 коп.

Фокусы—Перельмана с рисунками 188 стр. 1 р. 40 к. в папке. Толчок мозгам—сборник загадок, шарад и ребусов Гринич и Бабур ц. 80 к.

Азбука шашечной игры со 150 ловашками В. Медков и А. Мишин 1 руб.

Высылает наложен. платежом. При заказе свыше 5 р. перес. **БЕСПЛАТНО**.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН „ТРУД“
МОСКВА центр, Моховая, 15/0

КРЫШКИ

белой жести для банок: СА-ПОННОГО крема 13 р. тысяча, аптекарских фарфоровых от 8 руб.

Краснодар, Железнодорож. ул. № 11/1 С. Волотуб.

ПОЧЕРК

МОЖЕТ ИСПРАВИТЬ КАЖДЫЙ по руководству Д. А. Лисаревского „Исправление почерка, в котором дано 60 упражнений со всеми образцами и правилами красивого письма“.

Цена книжки (64 стр.) 1 руб. По НАВОДНЫМ ТЕТРАДЯМ, в которых все прописи напечатаны слабой голубой краской, поверх которой ученик пишет чернилами. Весь курс в 3-х тетрадях стоит 1 р. 50 к.

Книжка „Почерк“, вместе с 3-мя тетрадями высыл. по получ. 2 р. 50 к., нал. плат. 2 р. 80 к.

Научиться каллигр. письму можно по руководству КАЛЛИГРАФИИ, содержит 113 упражнений и все образцы. Цена книжки (64 стр.) 1 р. 20 к.

Обе книжки, с 3-мя тетрадями, высыл. по получ. 3 р. 50 к. или наложен. платежом на 4 р. Адресовать автору Д. А. Лисаревскому.

ЛЕНИНГРАД, 28, Кирочная, № 2.

Л И Н И Я О Т Р Е З А

Условия подписки

по 1-му абонементу на „ОГОНЕК“ с приложением Полного Собрания художественных сочинений **Льва ТОЛСТОГО**

При заявке через почтовое предприятие вносится один руб. Остальная сумма (12 р. 50 к.) переводится в Главную Контору Изд-ва „Огонек“ в Москву к 1 января 1928 г., или же в рассрочку: не позднее декабря—3 р., к 1 марта—3 р. 50 к., к 1 мая—3 р., к 1 июля—3 р.

Подписчики, высылающие остальную сумму (12 р. 50 к.) сразу, получают **БЕСПЛАТНО** большой худож. портрет **Л. Н. ТОЛСТОГО**.

АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ О-ВО „ОГОНЕК“.
Москва 6, Страстной бульвар 11.

К СВЕДЕНИЮ ПОЧТОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

ПРИЕМ ПОДПИСКИ на журнал „ОГОНЕК“

с приложением Полного Собрания художественных сочинений

Л. Н. Толстого

по настоящей карточке **БЕСПРЕПЯТСТВЕННО** производится всеми почтовыми предприятиями.

Карточку вместе с заказом надлежит направлять в Моспочтамт, обозначая в заказе (в графе „ПРИМЕЧАНИЕ“), сколько карточек препровождается.

27/Х—27 г. № 23/5.

Н. П. З.

М. Ходеев

(М. ХОДЕЕВ).

К СТОЛЕТИЮ со ДНЯ РОЖДЕНИЯ юбилейное полное собрание художественных произведений ЛЬВА ТОЛСТОГО

ДАЕТ СВОИМ ПОДПИСЧИКАМ в 1928 году

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

ОГОНЕК

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

В течение 1928 года к журналу „ОГОНЕК“ будет приложено Полное Собрание Художественных Произведений Л. Н. ТОЛСТОГО. В Собрании будут помещены все художественные произведения Льва Толстого, в том числе „Война и Мир“, „Анна Каренина“, „Воскресенье“ и все остальные, а также произведения, которые из-за царских цензурных условий до сих пор не включались ни в одно собрание сочинений Толстого. Собрание будет состоять из 24 книг большого формата, напечатанных убоистым четким шрифтом, по 12 печатных листов (около 200 страниц) каждая. Всего в 24 книгах будет 288 печатных листов (всего 4.600 страниц). Ежемесячно подписчики будут получать по две книги.

Условия подписки на „ОГОНЕК“ с приложениями:

1-й абонемент: „ОГОНЕК“ с приложением Сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО—13 р. 50 к.

52 №-ра журнала „Огонек“ с приложением Полного Собрания Художественных Сочинений Льва Толстого в 24-х книгах. Подписная цена на год—13 р. 50 к. Допускается рассрочка в четыре срока: не позднее декабря—4 р., к 1 марта—3 р. 50 к., к 1 мая—3 р. и к 1 июля—3 р.

2-й абонемент: „ОГОНЕК“ с приложением „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК“—13 р. 50 к.

„Библиотека Огонек“ выходит еженедельно по две книжки и дает новейшие произведения советских и западно-европейских писателей. 52 №-ра „Огонька“ с приложением 104 книжек „Библиотеки Огонек“. Подписная цена на 1 год—13 р. 50 к., на полгода—7 р., на 3 мес.—3 р. 75 к., на 1 мес.—1 р. 40 к.

3-й абонемент: „ОГОНЕК“ с приложением Сочинений Л. Н. Толстого и „Библиотеки Огонек“—22 р.

52 №-ра „Огонька“ с приложением Полного Собрания Художественных Сочинений Льва Толстого в 24-х книгах, и 104 книжек „Библиотеки Огонек“. Подписная цена на год—22 руб. Допускается рассрочка в пять сроков: не позднее декабря—5 р., к 1 марта—5 р., к 1 мая, к 1 июля и к 1 сентября—по 4 р.

Заявка вместе с 1 руб. принимается во всех почтовых предприятиях и БЕСПЛАТНО пересылается в „Огонек“. Для этого нужно отрезать помещенный ниже бланк и вместе с ним обратиться в любое почтовое предприятие, в окно для приема подписки.

„ОГОНЕК“ без приложений:

52 №-ра журнала в год: Подписная цена на год—4 р. 50 к., на 1/2 года—2 р. 40 к., на 3 мес.—1 р. 20 к., на 1 мес.—40 к.

Подписчики на „Огонек“ с приложением Сочинений Л. Н. Толстого, внесшие сразу подписную плату полностью, получат БЕСПЛАТНО большой художественный портрет Л. Н. Толстого.

Пересылка всех изданий за счет издательства.

При подписке указывайте точно, на какое издание и с каким приложением сдается подписка.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ:

Москва 6, Страстной бульвар 11, Акционерному Издательскому Обществу „Огонек“.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАЯВКА.

В виду твердого тиража Собрания Сочинений Л. Н. Толстого, выпускаемого Госиздатом специально для „Огонька“ и в отдельную продажу не поступающего, принимается предварительная заявка, гарантирующая получение Собрания Сочинений Л. Н. Толстого. При заявке вносится лишь один рубль, зачисляемый в счет подписной платы, каковая имеет быть внесена в указанные выше сроки. Задаточный рубль удерживается подписчиком из первого взноса.

Л И Н И Я О Т Р Е З А

В Акционерное Издательское Общество „ОГОНЕК“, Москва.

Предварительная заявка на журнал „ОГОНЕК“ с приложением Полного Собрания Сочинений Л. Н. Толстого — на 12 месяцев.	Получ. сумма.	Колич. экзempl..
	Р.	
Куда адресовать издания (Наим. почты и подр. адрес)	Заказ №	
Кому	Штемпель почтового учреждения.	

КВИТАНЦИЯ

(Выдается подписчику)

Принята от.....

предварительная заявка в один рубль на журнал „Огонек“ с приложением Полного Собрания Художественных Сочинений Л. Н. Толстого, на..... экз.

Подпись.....

Штемпель
почтового учреждения.

(Условия подписки на обороте).